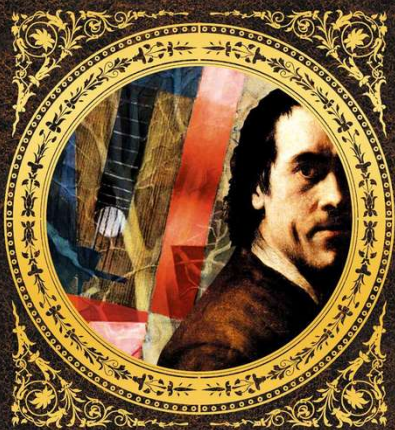

Владимир
ВЫСОЦКИЙ
*Идет охота
на волков...*

Владимир Семенович Высоцкий Идет охота на волков...

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8223002
Владимир Высоцкий. Идет охота на волков....: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-73683-6*

Аннотация

Поэты ходят пятками по лезвию ножа —

И режут в кровь свои босые души!

Эти строки Владимира Высоцкого можно в первую очередь отнести к нему самому. Ему не суждено было дожить даже до маленького сборника стихов, в то время как рожденные ночами строки со скоростью звука облетали необъятную страну. Он знал, что такое слава, но не был — при жизни — признанным поэтом. А ведь именно Поэтом ощущал себя более всего.

Этот сборник наиболее полно представляет поэтическое наследие Высоцкого.

Содержание

Песни	6
Серебряные струны	6
Тот, кто раньше с нею был	7
У тебя глаза – как нож	9
Я в деле	10
Весна еще в начале	11
«У меня было сорок фамилий...»	13
«Сколько лет, сколько лет...»	15
Правда ведь, обидно	16
Зэка Васильев и Петров зэка	17
Сивка-Бурка	19
«– Эй шофер, вези – Бутырский хутор...»	20
«За меня невеста отрыдает честно...»	21
Рецидивист	22
Про Сережку Фомина	24
Штрафные батальоны	25
Письмо рабочих тамбовского завода китайским руководителям	26
Антисемиты	28
Песня про Уголовный кодекс	29
Наводчица	30
Счетчик щелкает	31
О нашей встрече	32
Песня о госпитале	33
Все ушли на фронт	34
«Я любил и женщин и проказы...»	35
«Вот раньше жизнь!...»	36
Песня про стукача	38
«Потеряю истинную веру...»	39
Песня о звездах	40
«Помню, я однажды и в «очко», и в «стос» играл...»	41
«Нам вчера прислали...»	42
Бал-маскарад	44
Городской романс	45
Я был слесарь шестого разряда	46
Ребята, напишите мне письмо	47
Марш студентов-физиков	48
«Ну о чем с тобою говорить!...»	50
«Парня спасем...»	51
Песня о нейтральной полосе	52
Попутчик	54
«Сыт я по горло, до подбородка...»	56
«В холода, в холода...»	57
Высота	58
Песня завистника	59
«Перед выездом в загранку...»	60
«Есть на земле достаточно рас...»	62

«В тюрьме Таганской нас стало мало...»	63
«Она на двор – он со двора...»	64
Песня о сумасшедшем доме	66
Про черта	67
Песня о сентиментальном боксере	68
Песня о конькобежце на короткие дистанции, которого заставили бежать на длинную	70
«А люди все роптали и роптали...»	71
Дела	72
Песня о друге	74
Здесь вам не равнина	75
Военная песня	76
Скалолазка	77
Прощание с горами	78
«Свои обиды каждый человек...»	79
Она была в Париже[1]	80
Песня о новом времени	81
Гололед	82
«Вот – главный вход, но только вот...»	83
«Корабли постоят – и ложатся на курс...»	85
Случай в ресторане	86
Два письма	87
I	87
II	88
Песня о вещей Кассандре	89
Спасите наши души	90
Дом хрустальный	92
Невидимка	93
Песня про плотника Иосифа, Деву Марию, Святого Духа и непорочное зачатие	96
Дайте собакам мяса	98
Моя цыганская	99
«На стол колоду, господа...»	101
«Сколько чудес за туманами кроется...»	104
Песня командировочного	105
Я уехал в Магадан	107
«Красивых любят чаще и прилежней...»	109
«Давно смолкли залпы орудий...»	110
Еще не вечер	111
Банька по-белому	113
Песенка про метателя молота	115
«То ли – в избу и запеть...»	116
«Мне каждый вечер зажигают свечи...»	118
Поездка в город	119
Ноль семь	121
Песенка о переселении душ	123
Я не люблю	124
«Ну вот, исчезла дрожь в руках...»	125
К вершине	126

Песенка о слухах	127
«Подумаешь – с женой не очень ладно...»	129
Старательская (Письмо друга)	130
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Владимир Высоцкий

Идет охота на волков...

Песни

*Бьют лучи от лампы мне под ребра,
Светят фонари в лицо недобро,
И слепят с боков прожектора,
И – жара!.. Жара!.. Жара!..*

Серебряные струны

У меня гитара есть – расступитесь, стены!
Век свободы не видать из-за злой фортуны!
Перережьте горло мне, перережьте вены —
Только не порвите серебряные струны!

Я зароюсь в землю, сгину в одночасье —
Кто бы заступился за мой возраст юный!
Влезли ко мне в душу, рвут ее на части —
Только б не порвали серебряные струны!

Но гитару унесли, с нею – и свободу, —
Упирался я, кричал: «Сволочи, паскуды!
Вы втопчите меня в грязь, бросьте меня в воду —
Только не порвите серебряные струны!»

Что же это, братцы! Не видать мне, что ли,
Ни денечков светлых, ни ночей безлунных?!
Загубили душу мне, отобрали волю, —
А теперь порвали серебряные струны...

1962

Тот, кто раньше с нею был

В тот вечер я не пил, не пел —
Я на нее вовсю глядел,
Как смотрят дети, как смотрят дети.
Но тот, кто раньше с нею был,
Сказал мне, чтоб я уходил,
Сказал мне, чтоб я уходил,
Что мне не светит.

И тот, кто раньше с нею был, —
Он мне грубил, он мне грозил.
А я все помню — я был не пьяный.
Когда ж я уходить решил,
Она сказала: «Не спеши!»
Она сказала: «Не спеши,
Ведь слишком рано!»

Но тот, кто раньше с нею был,
Меня, как видно, не забыл, —
И как-то в осень, и как-то в осень —
Иду с дружкой, гляжу — стоят, —
Они стояли молча в ряд,
Они стояли молча в ряд —
Их было восемь.

Со мною — нож, решил я: что ж,
Меня так просто не возьмешь, —
Держитесь, гады! Держитесь, гады!
К чему задаром пропадать,
Ударил первым я тогда,
Ударил первым я тогда —
Так было надо.

Но тот, кто раньше с нею был, —
Он эту кашу заварил
Вполне серьезно, вполне серьезно.
Мне кто-то на плечи повис, —
Валюха крикнул: «Берегись!»
Валюха крикнул: «Берегись!» —
Но было поздно.

За восемь бед — один ответ.
В тюрьме есть тоже лазарет, —
Я там валялся, я там валялся.
Врач резал вдоль и поперек,
Он мне сказал: «Держись, браток!»

Он мне сказал: «Держись, браток!» —
И я держался.

Разлука мигом пронеслась,
Она меня не дождалась,
Но я прощаю, ее – прощаю.
Ее, как водится, простил,
Того ж, кто раньше с нею был,
Того, кто раньше с нею был, —
Не извиняю.

Ее, конечно, я простил,
Того ж, кто раньше с нею был,
Того, кто раньше с нею был, —
Я повстречаю!

1962

У тебя глаза – как нож

У тебя глаза – как нож:
Коли прямо ты взглянешь —
Я забываю, кто я есть и где мой дом;
А если косо ты взглянешь —
Как по сердцу полоснешь
Ты холодным, острым серым тесаком.

Я здоров – к чему скрывать, —
Я пятаки могу ломать,
Я недавно головой быка убил, —
Но с тобой жизнь коротать —
Не подковы разгибать,
А прибить тебя – морально нету сил.

Вспомни, было ль хоть разок,
Чтоб я из дому убег, —
Ну когда же надоест тебе гулять!
С грабежу я прихожу —
Язык за спину заложу
И бежу тебя по городу шукать.

Я все ноги исходил —
Велосипед себе купил,
Чтоб в страданиях облегчения была, —
Но налетел на самосвал —
К Склифосовскому попал, —
Навестить меня ты даже не пришла.

И хирург – седой старик —
Он весь обмяк и как-то сник:
Он шесть суток мою рану зашивал!
А когда кончился наркоз,
Стало больно мне до слез:
Для кого ж я своей жистью рисковал!

Ты не радуйся, змея, —
Скоро выпишут меня —
Отомщу тебе тогда без всяких схем:
Я тебе точно говорю,
Востру бритву наострю —
И обрею тебя наголо совсем!

1962

Я в деле

Я в деле, и со мною нож —
И в этот миг меня не трожь,
А после — я всегда иду в кабак,
И кто бы что ни говорил,
Я сам добыл — и сам пропил, —
И дальше буду делать точно так.

Ко мне подходит человек
И говорит: «В наш трудный век
Таких, как ты, хочу уничтожать!»
А я парнишку наколот —
Не толковал, а запорол, —
И дальше буду так же поступать.

А хочешь просто говорить —
Садись со мной и будем пить, —
Мы все с тобой обсудим и решим.
Но если хочешь так, как он, —
У нас для всех один закон,
И дальше он останется таким.

<1962>

Весна еще в начале

Весна еще в начале,
Еще не загуляли,
Но уж душа рвалась из груди, —
И вдруг приходят двое
С конвоем, с конвоем:
«Оденься, — говорят, — и выходи!»

Я так тогда просил у старшины:
«Не уводите меня из Весны!»

До мая пропотели —
Всё расколоть хотели, —
Но — нате вам — темню я сорок дней.
И вдруг — как нож мне в спину —
Забрали Катерину, —
И следователь стал меня главней.

Я понял, я понял, что тону, —
Покажите мне хоть в форточку Весну!

И вот опять — вагоны,
Перегоны, перегоны,
И стыки рельс отсчитывают путь, —
А за окном — в зеленом
Березки и клены, —
Как будто говорят: «Не позабуди!»

А с насыпи мне машут пацаны, —
Зачем меня увозят из Весны!..

Спросил я Катю взглядом:
«Уходим?» — «Не надо!» —
«Нет, хватит, — без Весны я не могу!»
И мне сказала Катя:
«Что ж, хватит так хватит». —
И в ту же ночь мы с ней ушли в тайгу.

Как ласково нас встретила она!
Так вот, так вот какая ты, Весна!

А на вторые сутки
На след напали суки —
Как псы на след напали и нашли,
И завязали суки
И ноги и руки —

Как падалъ по грязѣ поволокли.

Я понял: мне не видеть больше сны,
Совсем меня убрали из Весны...

1962

«У меня было сорок фамилий...»

У меня было сорок фамилий,
У меня было семь паспортов,
Меня семьдесят женщин любили,
У меня было двести врагов.
Но я не жалею!

Сколько я ни старался,
Сколько я ни стремился —
Все равно, чтоб подраться,
Кто-нибудь находился.

И хоть путь мой и длинен и долог,
И хоть я заслужил похвалу —
Обо мне не напишут некролог
На последней странице в углу.
Но я не жалею!

Сколько я ни стремился,
Сколько я ни старался —
Кто-нибудь находился —
И я с ним напивался.

И хотя во все светлое верил —
Например, в наш советский народ, —
Не поставят мне памятник в сквере
Где-нибудь у Петровских ворот.
Но я не жалею!

Сколько я ни старался,
Сколько я ни стремился —
Все равно я спивался,
Все равно я катился.

Сочиняю я песни о драмах
И о жизни карманных воров, —
Мое имя не встретишь в рекламах
Популярных эстрадных певцов.
Но я не жалею!

Сколько я ни старался,
Сколько я ни стремился —
Я всегда попадался —
И все время садился.

Говорят, что на место все встанет.

Бросить пить? Видно, мне не судьба,
Все равно меня не отчеканят
На монетах вместо герба.
Но я не жалею!

Так зачем мне стараться?
Так зачем мне стремиться?
Чтоб во всем разобраться —
Нужно сильно напиться!

<1962 или 1963>

«Сколько лет, сколько лет...»

Сколько лет, сколько лет —
Всё одно и то же:
Денег нет, женщин нет,
Да и быть не может.

Сколько лет воровал,
Сколько лет старался, —
Мне б скопить капитал —
Ну а я спивался.

Ни кола ни двора —
И ни рожь с кожей,
И друзей — ни хера,
Да и быть не может.

Только — водка на троих,
Только — пика с червой, —
Комом — все блины мои,
А не только первый.

<1962>

Правда ведь, обидно

Правда ведь, обидно – если завязал,
А товарищ продал, падла, и за все сказал:
За давнишнее, за драку – все сказал Сашок, —
Двое в синем, двое в штатском, черный воронок...

До свиданья, Таня, а может быть – прощай!
До свиданья, Таня, если можешь – не серчай!
Но все-таки обидно, чтоб за просто так
Выкинуть из жизни напрочь цельный четвертак!

На суде судья сказал: «Двадцать пять! До встречи!»
Раньше б горло я порвал за такие речи!
А теперь – терплю обиду, не показываю виду, —
Если встречу я Сашка – ох как изувечу!

До свиданья, Таня, а может быть – прощай!
До свиданья, Таня, если можешь – не серчай!
Но все-таки обидно, чтоб за просто так
Выкинуть из жизни напрочь цельный четвертак!

<1962>

Зэка Васильев и Петров зэка

Сгорели мы по недоразумению —
Он за растрату сел, а я — за Ксению, —
У нас любовь была, но мы расстались:
Она кричала и сопротивлялася.

На нас двоих нагрянула ЧК,
И вот теперь мы оба с ним зэка —
Зэка Васильев и Петров зэка.

А в лагерях — не жизнь, а темень-тьмушная:
Кругом *майданички*, кругом *домушники*,
Кругом ужасное к нам отношение
И очень странные поползновения.

Ну а начальству наплевать — за что и как,
Мы для начальства — те же самые зэка —
Зэка Васильев и Петров зэка.

И вот решили мы — бежать нам хочется,
Не то все это очень плохо кончится:
Нас каждый день мордуют уголовники,
И главный врач зовет к себе в любовники.

И вот — в бега решили мы, ну а пока
Мы оставались всё теми же зэка —
Зэка Васильев и Петров зэка.

Четыре года мы побег готовили —
Харчей три тонны мы наэкономили,
И нам с собою даже дал половничек
Один ужасно милый уголовничек.

И вот ушли мы с ним в руке рука, —
Рукоплескали нашей дерзости зэка —
Зэка Петрову, Васильеву зэка.

И вот — по тундре мы, как сиротиночки, —
Не по дороге всё, а по тропиночке.
Куда мы шли — в Москву или в Монголию, —
Он знать не знал, паскуда, я — тем более.

Я доказал ему, что запад — где закат,
Но было поздно: нас зацапала ЧК —
Зэка Петрова, Васильева зэка.

Потом – приказ про нашего полковника:
Что он поймал двух крупных уголовников, —
Ему за нас – и деньги, и два ордена,
А он от радости все бил по морде нас.

Нам после этого прибавили срока,
И вот теперь мы – те же самые зэка —
Зэка Васильев и Петров зэка.

1962

Сивка-Бурка

Кучера из МУРа укатали Сивку,
Закатали Сивку в Нарьян-Мар, —
Значит, не погладили Сивку по загривку,
Значит, дали полностью «гонорар».

На дворе вечерит, —
Ну а Сивка чифирит.

Ночи по полгода за полярным кругом,
И, конечно, Сивка – лошадь – заскучал,
Обзавелся Сивка Буркой – закадычным другом,
С ним он ночи длинные коротал.

На дворе вечерит, —
Сивка с Буркой чифирит.

Сивка – на работу, – до седьмого поту,
За обоих вкалывал – конь конем.
И тогда у Бурки появился кто-то,
Занял место Сивкино за столом.

На дворе вечерит, —
Бурка с кем-то чифирит.

Лошади, известно, – всё как человеки:
Сивка долго думал, думал и решал, —
И однажды Бурка с «кем-то» вдруг исчез навеки —
Ну а Сивка в каторги захромал.

На дворе вечерит, —
Сивка в каторге горит...

1963

«– Эй шофер, вези – Бутырский хутор...»

– Эй шофер, вези – Бутырский хутор,
Где тюрьма, – да поскорее мчи!
– Ты, товарищ, опоздал, ты на два года перепутал —
Разбирают уж тюрьму на кирпичи.

– Очень жаль, а я сегодня спозаранку
По родным решил проехаться местам...
Ну да ладно, что ж, шофер, тогда вези меня в «Таганку», —
Погляжу, ведь я бывал и там.

– Разломали старую «Таганку» —
Подчистую, всю, ко всем чертям!
– Что ж, шофер, давай назад, крути-верти свою баранку, —
Так ни с чем поедem no домам.

Или нет, шофер, давай закурим,
Или лучше – выпьем поскорей!
Пьем за то, чтоб не осталось
по России больше тюрем,
Чтоб не стало по России лагерей!

<1963>

«За меня невеста отрыдает честно...»

За меня невеста отрыдает честно,
За меня ребята отдадут долги,
За меня другие отпоют все песни,
И, быть может, выпьют за меня враги.

Не дают мне больше интересных книжек,
И моя гитара – без струны.
И нельзя мне выше, и нельзя мне ниже,
И нельзя мне солнца, и нельзя луны.

Мне нельзя на волю – не имею права, —
Можно лишь – от двери до стены.
Мне нельзя налево, мне нельзя направо —
Можно только неба кусок, можно только сны.

Сны – про то, как выйду, как замок мой снимут,
Как мою гитару отдадут,
Кто меня там встретит, как меня обнимут
И какие песни мне споют.

<1963>

Рецидивист

Это был воскресный день – и я не лазил по карманам:
В воскресенье – отдыхать, – вот мой девиз.
Вдруг – свисток, меня хватают, обзывают хулиганом,
А один узнал – кричит: «Рецидивист!»

«Брось, товарищ, не ершись,
Моя фамилия – Сергеев,
Ну а кто рецидивист —
Ведь я ж понятия не имею».

Это был воскресный день, но *мусора* не отдыхают:
У них тоже – план давай, хоть удавись,
Ну а если перевыполнят, так их там награждают —
На вес золота там вор-рецидивист.

С уважением мне: «Садись!» —
Угощают «Беломором». —
«Значит, ты – рецидивист?
Распишись под протоколом!»

Это был воскресный день, светило солнце как бездельник,
И все люди – кто с друзьями, кто с семьей, —
Ну а я сидел скучал, как в самый гнусный понедельник:
Мне майор попался очень деловой.

«Сколько раз судились вы?» —
«Плохо я считать умею!» —
«Но все же вы – рецидивист?» —
«Да нет, товарищ, я – Сергеев».

Это был воскресный день – а я потел, я лез из кожи,
Но майор был в математике горазд:
Он чегой-то там сложил, потом умножил, подытожил —
И сказал, что я судился десять раз.

Подал мне начальник лист —
Расписался как умею —
Написал: «Рецидивист
По фамилии Сергеев».

Это был воскресный день, я был усталым и побитым, —
Но одно я знаю, одному я рад:
В семилетний план поимки хулиганов и бандитов
Я ведь тоже внес свой очень скромный вклад!

1963

Про Сережку Фомина

Я рос как вся дворовая шпана —
Мы пили водку, пели песни ночью, —
И не любили мы Сережку Фомина
За то, что он всегда сосредоточен.

Сидим раз у Сережки Фомина —
Мы у него справляли наши встречи, —
И вот о том, что началась война,
Сказал нам Молотов в своей известной речи.

В военкомате мне сказали: «Старина,
Тебе броню дает родной завод «Компрессор»!»
Я отказался, — а Сережку Фомина
Спасал от армии отец его, профессор.

Кровь лью я за тебя, моя страна,
И все же мое сердце негодует:
Кровь лью я за Сережку Фомина —
А он сидит и в ус себе не дует!

Теперь небось он ходит по кина́м —
Там хроника про нас перед сеансом, —
Сюда б сейчас Сережку Фомина —
Чтоб побывал он на фронте на германском!

...Но наконец закончилась война —
С плеч сбросили мы словно тонны груза, —
Встречаю я Сережку Фомина —
А он Герой Советского Союза...

1964

Штрафные батальоны

Всего лишь час дают на артобстрел —
Всего лишь час пехоте передышки.
Всего лишь час до самых главных дел:
Кому — до ордена, ну а кому — до «вышки».

За этот час не пишем ни строки —
Молись богам войны артиллеристам!
Ведь мы ж не просто так — мы штрафники, —
Нам не писать: «...считайте коммунистом».

Перед атакой — водку, — вот мура!
Свое отпили мы еще в гражданку,
Поэтому мы не кричим «ура» —
Со смертью мы играемся в молчанку.

У штрафников один закон, один конец:
Коли, руби фашистского бродягу,
И если не поймаешь в грудь свинец —
Медаль на грудь поймаешь за отвагу.

Ты бей штыком, а лучше — бей рукой:
Оно надежней, да оно и тише, —
И ежели останешься живой —
Гуляй, рванина, от рубля и выше!

Считает враг: морально мы слабы, —
За ним и лес, и города сожжены.
Вы лучше лес рубите на гробы —
В прорыв идут штрафные батальоны!

Вот шесть ноль-ноль — и вот сейчас обстрел, —
Ну, бог войны, давай без передышки!
Всего лишь час до самых главных дел:
Кому — до ордена, а большинству — до «вышки»...

1964

Письмо рабочих тамбовского завода китайским руководителям

В Пекине очень мрачная погода,
У нас в Тамбове на заводе перекур, —
Мы пишем вам с тамбовского завода,
Любители опасных авантюр!

Тем, что вы догово́р не подписали,
Вы причинили всем народам боль
И, извращая факты, доказали,
Что нам дороже генерал де Голль.

Нам каждый день насущный мил и дорог,
Но если даже вспомнить старину,
То это ж вы изобретали порох
И строили Китайскую стену́.

Мы понимаем – вас совсем не мало,
Чтоб триста миллионов погубить, —
Но мы уверены, что сам товарищ Мао,
Ей-богу, очень-очень хочет жить.

Когда вы рис водою запивали —
Мы проявляли интернационализм, —
Небось когда вы русский хлеб жевали,
Не говорили про оппортунизм!

Бойтесь вы, что – реваншисты в Бонне,
Что – Вашингтон грозитя перегнать, —

Но сам Хрущев сказал еще в ООНе,
Что мы покажем кузькину им мать!

Вам не нужны ни бомбы, ни снаряды —
Не раздувайте вы войны пожар, —
Мы нанесем им, если будет надо,
Ответный термоядерный удар.

А если зуд – без дела не страдайте, —
У вас еще достаточно делов:
Давите мух, рождаемость снижайте,
Уничтожайте ваших воробьев!

И не интересуйтесь нашим бытом —
Мы сами знаем, где у нас чего.
Так наш ЦК писал в письме открытом, —

Мы одобряем линию его!

<1964>

Антисемиты

Зачем мне считаться шпаной и бандитом —
Не лучше ль податься мне в антисемиты:
На их стороне хоть и нету законов, —
Поддержка и энтузиазм миллионов.

Решил я – и значит, кому-то быть битым.
Но надо ж узнать, кто такие семиты, —
А вдруг это очень приличные люди,
А вдруг из-за них мне чего-нибудь будет!

Но друг и учитель – алкаш в бакалее —
Сказал, что семиты – простые евреи.
Да это ж такое везение, братцы, —
Теперь я спокоен – чего мне бояться!

Я долго крепился, ведь благоговейно
Всегда относился к Альберту Эйнштейну.
Народ мне простит, но спрошу я невольно:
Куда отнести мне Абрама Линкольна?

Средь них – пострадавший от Сталина Каплер,
Средь них – уважаемый мной Чарли Чаплин,
Мой друг Рабинович и жертвы фашизма,
И даже основоположник марксизма.

Но тот же алкаш мне сказал после дельца,
Что пьют они кровь христианских младенцев:
И как-то в пивной мне ребята сказали,
Что очень давно они Бога распяли!

Им кровушки надо – они по запарке
Замучили, гады, слона в зоопарке!
Украли, я знаю, они у народа
Весь хлеб урожая минувшего года!

По Курской, Казанской железной дороге
Построили дачи – живут там как боги...
На всё я готов – на разбой и насилие, —
И бью я жидов – и спасаю Россию!

1964

Песня про Уголовный кодекс

Нам ни к чему сюжеты и интриги:
Про всё мы знаем, про всё, чего ни дашь.
Я, например, на свете лучшей книгой
Считаю Кодекс уголовный наш.

И если мне неймется и не спится
Или с похмелья нет на мне лица —
Открою Кодекс на любой странице,
И не могу — читаю до конца.

Я не давал товарищам советы,
Но знаю я — разбой у них в чести, —
Вот только что я прочитал про это:
Не ниже трех, не выше десяти.

Вы вдумайтесь в простые эти строки, —
Что нам романы всех времен и стран! —
В них есть бараки, длинные как сроки,
Скандалы, драки, карты и обман...

Сто лет бы мне не видеть этих строчек! —
За каждой вижу чью-нибудь судьбу, —
И радуюсь, когда статья — не очень:
Ведь все же повезет кому-нибудь!

И сердце бьется раненою птицей,
Когда начну свою статью читать,
И кровь в висках так ломится-стучится, —
Как *мусора́*, когда приходят брать.

1964

Наводчица

– Сегодня я с большой охотою
Распоряжусь своей субботой,
И если Нинка не капризная,
Распоряжусь своею жизнью я!

– Постой, чудак, она ж – наводчица. – Зачем?
– Да так, уж очень хочется!
– Постой, чудак, у нас – компания, —
Пойдем в кабак – зальем желание!

– Сегодня вы меня не пачкайте,
Сегодня пьянка мне – до лампочки:
Сегодня Нинка соглашается —
Сегодня жисть моя решается!

– Ну и дела же с этой Нинкою!
Она жила со всей Ордынкою, —
И с нею спать ну кто захочет сам!..
– А мне плевать – мне очень хочется!

Сказала: любит, – все, заметано!
– Отвечу рупь за сто, что врет она!
Она ж того – ко всем ведь просится...
– А мне чего – мне очень хочется!

– Она ж хрипит, она же грязная,
И глаз подбит, и ноги разные,
Всегда одета как уборщица...
– Плевать на это – очень хочется!

Все говорят, что – не красавица, —
А мне такие больше нравятся.
Ну что ж такого, что – наводчица, —
А мне еще сильнее хочется!

1964

Счетчик щелкает

Твердил он нам: «Моя она!»
«Да ты смеешься, друг, да ты смеешься!
Уйди, пацан, – ты очень пьян, —
А то нарвешься, друг, гляди, нарвешься!»

А он кричал: «Теперь мне все одно!
Садись в такси – поехали кататься!
Пусть счетчик щелкает, пусть – все равно
В конце пути придется рассчитаться».

Не жалко мне таких парней.
«Ты от греха уйди!» – твержу я снова.
А он – ко мне, и всё – о ней...
«А ну – ни слова, гад, гляди, ни слова!»

Ударила в виски мне кровь с вином —
И, так же продолжая улыбаться,
Ему сказал я тихо: «Все равно
В конце пути придется рассчитаться!»

К слезам я глух и к просьбам глух —
В охоту драка мне, ох как в охоту!
И хочешь, друг, не хочешь, друг, —
Плати по счету, друг, плати по счету!..

А жизнь мелькает, как в немом кино, —
Мне хорошо, мне хочется смеяться, —
А счетчик – щелк да щелк, – да все равно
В конце пути придется рассчитаться...

1904

О нашей встрече

О нашей встрече что там говорить! —
Я ждал ее, как ждут стихийных бедствий, —
Но мы с тобою сразу стали жить,
Не опасаясь пагубных последствий.

Я сразу сузил круг твоих знакомств,
Одел, обул и вытащил из грязи, —
Но за тобой тащился длинный хвост —
Длиннющий хвост твоих коротких связей.

Потом, я помню, бил друзей твоих:
Мне с ними было как-то неприятно, —
Хотя, быть может, были среди них
Наверняка отличные ребята.

О чем просила — делал мигом я, —
Мне каждый час хотелось сделать ночью брачной.
Из-за тебя под поезд прыгал я,
Но, слава Богу, не совсем удачно.

И если б ты ждала меня в тот год,
Когда меня отправили *на дачу*, —
Я б для тебя украл весь небосвод
И две звезды Кремлевские в придачу.

И я клянусь — последний буду гад! —
Не ври, не пей — и я прощу измену, —
И подарю тебе Большой театр
И Малую спортивную арену.

А вот теперь я к встрече не готов:
Боюсь тебя, боюсь ночей интимных —
Как жители японских городов
Боятся повторенья Хиросимы.

1964

Песня о госпитале

Жил я с матерью и батей
На Арбате – здесь бы так!
А теперь я в медсанбате —
На кровати, весь в бинтах...

Что нам слава, что нам Клава —
Медсестра – и белый свет!..
Помер мой сосед, что справа,
Тот, что слева, – еще нет.

И однажды, как в угаре,
Тот сосед, что слева, мне
Вдруг сказал: «Послушай, парень,
У тебя ноги-то нет».

Как же так? Неправда, братцы, —
Он, наверно, пошутил!
«Мы отрежем только пальцы» —
Так мне доктор говорил.

Но сосед, который слева,
Все смеялся, все шутил,
Даже если ночью бредил —
Все про ногу говорил.

Издевался: мол, не встанешь,
Не увидишь, мол, жены!..
Поглядел бы ты, товарищ,
На себя со стороны!

Если б был я не калека
И слезал с кровати вниз —
Я б тому, который слева,
Просто глотку перегрыз!

Умолял сестричку Клаву
Показать, какой я стал...
Был бы жив сосед, что справа, —
Он бы правду мне сказал!..

1964

Все ушли на фронт

Все срока уже закончены,
А у лагерных ворот,
Что крест-накрест заколочены, —
Надпись: «Все ушли на фронт».

За грехи за наши нас простят,
Ведь у нас такой народ:
Если Родина в опасности —
Значит, всем идти на фронт.

Там год – за три, если Бог хранит, —
Как и в лагере зачет.
Нынче мы на равных с вохрами —
Нынче всем идти на фронт.

У начальника Березкина —
Ох и гонор, ох и понт! —
И душа – крест-накрест досками, —
Но и он хотел на фронт.

Лучше б было – сразу в тыл его:
Только с нами был он смел, —
Высшей мерой наградил его
Трибунал за самострел.

Ну а мы – всё оправдали мы, —
Наградили нас потом:
Кто живые, тех – медалями,
А кто мертвые – крестом.

И другие заключенные
Пусть читают у ворот
Нашу память застекленную —
Надпись: «Все ушли на фронт»...

1964

«Я любил и женщин и проказы...»

Я любил и женщин и проказы:
Что ни день, то новая была, —
И ходили устные рассказы
Про мои любовные дела.

И однажды как-то на дороге
Рядом с морем – с этим не шути —
Встретил я одну из очень многих
На моем на жизненном пути.

А у ней – широкая натура,
А у ней – открытая душа,
А у ней – отличная фигура, —
А у меня в кармане – ни гроша.

Ну а ей – в подарок нужно кольца;
Кабаки, духи из первых рук, —
А взамен – немного удовольствий
От ее сомнительных услуг.

«Я тебе, – она сказала, – Вася,
Дорогое самое отдам!..»
Я сказал: «За сто рублей согласен, —
Если больше – с другом пополам!»

Женщины – как очень злые кони:
Захрипит, закусит удила!..
Может, я чего-нибудь не понял,
Но она обиделась – ушла.

...Через месяц улеглись волнения,
Через месяц вновь пришла она, —
У меня такое ощущение,
Что ее устроила цена.

1964

«Вот раньше жизнь!..»

Вот раньше жизнь! —
И вверх и вниз
Идешь без конвоиров, —
Покуришь *план*,
Идешь на *бан*
И щиплешь пассажиров.

А на разбой
Берешь с собой
Надежную шалаву,
Потом – за грудь
Кого-нибудь
И *делаешь варшаву*.

Пока следят,
Пока грозят —
Мы это переносим.
Наелся всласть,
Но вот взялась
«Петровка, 38».

Прошел детдом, тюрьму, приют,
И срóка не боялся, —
Когда ж везли в народный суд —
Немного волновался.
Зачем нам врут:
«Народный суд»! —

Народу я не видел, —
Судье простор,
И прокурор
Тотчас меня обидел.

Ответил на вопросы я,
Но приговор – с издевкой, —
И не согласен вовсе я
С такой формулировкой!

Не отрицаю я вины —
Не в первый раз садился,
Но – написали, что с людьми
Я грубо обходился.

Неправда! – тихо подойдешь,
Попросишь сторублевку...

При чем тут нож,
При чем грабеж? —
Меняй формулировку!

Эх, был бы зал —
Я б речь сказал:
«Товарищи родные!
Зачем пенять —
Ведь вы меня
Кормили и поили!

Мне каждый деньги отдавал
Без слез, угроз и крови...
Огромное спасибо вам
За все на добром слове!»

И этот зал
Мне б хлопать стал,
И я б, прервав рыдания,
Им тихим голосом сказал:
«Спасибо за вниманье!»

Ну правда ведь —
Неправда ведь,
Что я — грабитель ловкий?
Как людям мне в глаза смотреть
С такой формулировкой?!

1964

Песня про стукача

В наш тесный круг не каждый попадал,
И я однажды – проклятая дата —
Его привел с собою и сказал:
«Со мною он – нальем ему, ребята!»

Он пил как все и был как будто рад,
А мы – его мы встретили как брата...
А он назавтра продал всех подряд, —
Ошибся я – простите мне, ребята!

Суда не помню – было мне невмочь,
Потом – барак, холодный как могила, —
Казалось мне – кругом сплошная ночь,
Тем более что так оно и было.

Я сохраню хотя б остаток сил, —
Он думает – отсюда нет возврата,
Он слишком рано нас похоронил, —
Ошибся он – поверьте мне, ребята!

И день наступит – ночь не на года, —
Я попрошу, когда придет расплата:
«Ведь это я привел его тогда —
И вы его отдайте мне, ребята!..»

1964

«Потеряю истинную веру...»

Потеряю истинную веру —
Больно мне за наш СССР:
Отберите орден у Насэру —
Не подходит к ордену Насёр!

Можно даже крыть с трибуны матом,
Раздавать подарки вкривь и вкось,
Называть Насэра нашим братом, —
Но давать Героя — это брось!

Почему нет золота в стране?
Раздарили, гады, раздарили!
Лучше бы давали на войне, —
А Насэры после б нас простили.

1964

Песня о звездах

Мне этот бой не забыть нипочем —
Смертью пропитан воздух, —
А с небосклона бесшумным дождем
Падали звезды.

Снова упала — и я загадал:
Выйти живым из боя, —
Так свою жизнь я поспешно связал
С глупой звездой.

Я уж решил: миновала беда
И удалось отвертеться, —
С неба свалилась шальная звезда —
Прямо под сердце.

Нам говорили: «Нужна высота!»
И «Не жалеть патроны!»...
Вон покати́лась вторая звезда —
Вам на погоны.

Звезд этих в небе — как рыбы в прудах,
Хватит на всех с лихвою.
Если б не насмерть, ходил бы тогда
Тоже — Героем.

Я бы Звезду эту сыну отдал,
Просто — на память...
В небе висит, пропадает звезда —
Некуда падать.

1964

«Помню, я однажды и в «очко», и в «стос» играл...»

Помню, я однажды и в «очко», и в «стос» играл,
С кем играл – не помню этой стервы.
Я ему тогда двух сук из зоны проиграл, —
Зря пошел я в пику, а не в черву!

Я сперва как следует колоду стасовал,
А потом я сделал ход неверный:
Он рубли с Кремлем кидал, а я слюну глотал, —
И пошел я в пику, а не в черву!

Руки задрожали, будто кур я воровал,
Будто сел играть я в самый первый...
Делать было нечего – и я его убрал, —
Зря пошел я в пику, а не в черву!..

1964

«Нам вчера прислали...»

Нам вчера прислали
Из рук вон плохую весть:
Нам вчера сказали,
Что Алеха вышел весь.
Как же так! Он Наде
Говорил, что – пофартит,
Что сыграет свадьбу —
На неделю загудит...

Не видать девахе
Этот свадебный гудеж,
Потому что – в драке
Налетел на чей-то нож,
Потому что – плохо,
Хоть не в первый раз уже
Получал Алеха
Дырки новые в душе.

Для того ль он душу,
Как рубаху, залатал,
Чтоб его убила
В пьяной драке сволота!
Если б всё в порядке —
Мы б на свадьбу нынче шли.
Но с ножом в лопатке
Поутру его нашли.

Что ж, поубивается
Девчонка, поревет,
Что ж, посомневается —
И слезы оботрет, —
А потом без вздоха
Отопрет любому дверь...
Ничего, Алеха, —
Все равно тебе теперь!

Мы его схороним очень скромно,
Что рыдать!
Некому о нем и похоронную
Послать,
Потому – никто не знает,
Где у Лехи дом, —
Вот такая смерть шальная
Всех нас ждет потом.

Что ж, поубивается
Девчонка, поревет,
Чуть посомневается —
И слезы оботрет,
А потом без вздоха
Отопрет любому дверь, —
Бог простит, а Леха...
Все равно ему теперь...

1964

Бал-маскарад

Сегодня в нашей комплексной бригаде
Прошел слушок о бале-маскараде, —
Раздали маски кроликов,
Слонов и алкоголиков,
Назначили все это – в зоосаде.

«Зачем идти при полном при параде —
Скажи мне, моя радость, Христа ради?»
Она мне: «Одевайся!» —
Мол, я тебя стесняюсь,
Не то, мол, как всегда, пойдешь ты сзади.

«Я платье, – говорит, – взяла у Нади —
Я буду нынче как Марина Влади
И проведу, хоть тресну я,
Часы свои воскресные
Хоть с пьяной твоей мордой, но в наряде!»

...Зачем же я себя утюжил, гладил? —
Меня поймали тут же, в зоосаде, —
Ведь массовик наш Колька
Дал мне маску алкоголика —
И на троих зазвали меня дяди.

Я снова очутился в зоосаде:
Глядь – две жены, – ну две Марины Влади!
Одетые животными,
С двумя же бегемотами, —
Я тоже озверел – и стал в засаде.

Наутро дали премию в бригаде,
Сказав мне, что на бале-маскараде
Я будто бы не только
Сыграл им алкоголика,
А был у бегемотов я в ограде.

1964

Городской романс

Я однажды гулял по столице — и
Двух прохожих случайно зашиб, —
И, попавши за это в милицию,
Я увидел ее — и погиб.

Я не знаю, что там она делала, —
Видно, паспорт пришла получать —
Молодая, красивая, белая...
И решил я ее разыскать.

Шел за ней — и запомнил парадное.
Что сказать ей? — ведь я ж хулиган...
Выпил я — и позвал ненаглядную
В привокзальный один ресторан.

Ну а ей улыбались прохожие —
Мне хоть просто кричи «Караул!» —
Одному человеку по роже я
Дал за то, что он ей подморгнул.

Я икрою ей булки намазывал,
Деньги просто рекою текли, —
Я ж такие ей песни заказывал!
А в конце заказал — «Журавли».

Обещанья я ей до утра давал,
Повторял что-то вновь ей и вновь:
«Я ж пять дней никого не обкрадывал,
Моя с первого взгляда любовь!»

Говорил я, что жизнь потеряна,
Я сморкался и плакал в кашне, —
А она мне сказала: «Я верю вам —
И отдамся по сходной цене».

Я ударил ее, птицу белую, —
Закипела горячая кровь:
Понял я, что в милиции делала
Моя с первого взгляда любовь...

1964

Я был слесарь шестого разряда

Я был слесарь шестого разряда,
Я получки на ветер кидал, —
Получал я всегда сколько надо —
И плюс премию в каждый квартал.

Если пьешь, – понимаете сами —
Должен чтой-то иметь человек, —
Ну, и кроме невесты в Рязани,
У меня – две шалавы в Москве.

Шлю посылки и письма в Рязань я,
А шалавам – себя и вино, —
Каждый вечер – одно наказание,
И всю ночь – истязанье одно.

Вижу я, что здоровье тает,
На работе – все брак и скандал, —
Никаких моих сил не хватает —
И плюс премии в каждый квартал.

Синяки и морщины на роже, —
И сказал я тогда им без слов:
На фиг вас – мне здоровье дороже, —
Поищите других фраеров!..

Если б знали, насколько мне лучше,
Как мне чудно – хоть кто б увидал:
Я один пропиваю получку —
И плюс премию в каждый квартал!

1964

Ребята, напишите мне письмо

Мой первый срок я выдержать не смог, —
Мне год добавят, может быть – четыре...
Ребята, напишите мне письмо:
Как там дела в свободном вашем мире?

Что вы там пьете? Мы почти не пьем.
Здесь – только снег при солнечной погоде...
Ребята, напишите обо всем,
А то здесь ничего не происходит!

Мне очень-очень не хватает вас —
Хочу увидеть милые мне рожи!
Как там Надюха, с кем она сейчас?
Одна? – тогда пускай напишет тоже.

Страшней, быть может, – только Страшный суд!
Письмо мне будет уцелевшей нитью, —
Его, быть может, мне не отдадут,
Но все равно, ребята, напишите!..

1964

Марш студентов-физиков

Тропы еще в антимир не протоптаны, —
Но как на фронте держись ты!
Бомбардируем мы ядра протонами,
Значит, мы – антиллеристы.

Нам тайны нераскрытые раскрыть пора —
Лежат без пользы тайны, как в копилке, —
Мы тайны эти с корнем вырвем у ядра —
На волю пустим джинна из бутылки!

Тесно сплотились коварные атомы —
Ну-ка, попробуй прорвись ты!
Живо по коням – в погоню за квантами!
Значит, мы – кванталлеристы.

Нам тайны нераскрытые раскрыть пора —
Лежат без пользы тайны, как в копилке, —
Мы тайны эти с корнем вырвем у ядра —
На волю пустим джинна из бутылки!

Пусть не поймаешь нейтрино за бороду
И не посадишь в пробирку, —
Но было бы здорово, чтоб Понтекорво
Взял его крепче за шкуру.

Нам тайны нераскрытые раскрыть пора —
Лежат без пользы тайны, как в копилке, —
Мы тайны эти с корнем вырвем у ядра —
На волю пустим джинна из бутылки!

Жидкие, твердые, газообразные —
Просто, понятно, вольготно!
А с этой плазмой дойдешь до маразма, и
Это довольно почетно.

Нам тайны нераскрытые раскрыть пора —
Лежат без пользы тайны, как в копилке, —
Мы тайны эти с корнем вырвем у ядра —
На волю пустим джинна из бутылки!

Молодо-зелено. Древность – в историю!
Дряхлость – в архивах пылиться!
Даешь эту общую эту теорию
Элементарных частиц нам!

Нам тайны нераскрытые раскрыть пора —
Лежат без пользы тайны, как в копилке, —
Мы тайны эти скоро вырвем у ядра —
И вволю выпьем джина из бутылки!

1964

«Ну о чем с тобою говорить!..»

Ну о чем с тобою говорить!
Все равно ты порешь ахинею, —
Лучше я пойду к ребятам пить —
У ребят есть мысли поважнее.

У ребят серьезный разговор —
Например, о том, кто пьет сильнее.
У ребят широкий кругозор —
От ларька до нашей бакалеи.

Разговор у нас и прям и груб —
Две проблемы мы решаем глоткой:
Где достать недостающий рупь
И – кому потом бежать за водкой.

Ты даешь мне утром хлебный квас,
Что тебе придумать в оправданье!
Интеллекты разные у нас, —
Повышай свое образование!

1964

«Парня спасем...»

Парня спасем,
Парня – в детдом
На воспитанье!
Даром учить,
Даром поить,
Даром питание!..

Жизнь – как вода,
Вел я всегда
Жизнь бесшабашную, —
Все ерунда,
Кроме суда
Самого страшного.

Всё вам дадут,
Всё вам споют —
Будьте прилежными, —
А за оклад —
Ласки дарят
Самые нежные.

Вел я всегда
Жизнь без труда —
Жизнь бесшабашную,
Все ерунда,
Кроме суда
Самого страшного.

<1965>

Песня о нейтральной полосе

На границе с Турцией или с Пакистаном —
Полоса нейтральная; а справа, где кусты, —
Наши пограничники с нашим капитаном, —
А на левой стороне — ихние посты.

А на нейтральной полосе — цветы
Необычайной красоты!

Капитанова невеста жить решила вместе —
Прикатила, говорит: «Милый!..» — то да сё.
Надо ж хоть букет цветов подарить невесте:
Что за свадьба без цветов! — пьянка да и все.

А на нейтральной полосе — цветы
Необычайной красоты!

К ихнему начальнику, точно по повестке,
Тоже баба прикатила — налетела блажь, —
Тоже «милый» говорит, только по-турецки,
Будет свадьба, говорит, свадьба — и шабаш!

А на нейтральной полосе — цветы
Необычайной красоты!

Наши пограничники — храбрые ребята, —
Трое вызвались идти, а с ними капитан, —
Разве ж знать они могли про то, что азиаты
Порешили в ту же ночь вдарить по цветам!

Ведь на нейтральной полосе — цветы
Необычайной красоты!

Пьян от запаха цветов капитан мертвецки,
Ну и ихний капитан тоже в доску пьян, —
Повалился он в цветы, охнув по-турецки,
И, по-русски крикнув «...мать!», рухнул капитан.

А на нейтральной полосе — цветы
Необычайной красоты!

Спит капитан — и ему снится,
Что открыли границу как ворота в Кремле, —
Ему и на фиг не нужна была чужая граница —
Он пройтись хотел по ничейной земле.

Почему же нельзя? Ведь земля-то – ничья,
Ведь она – нейтральная!..

А на нейтральной полосе – цветы
Необычайной красоты!

1965

Попутчик

Хоть бы – облачко, хоть бы – тучка
В этот год на моем горизонте, —
Но однажды я встретил попутчика —
Расскажу про него, знакомьтесь.

Он спросил: «Вам куда?» – «До Вологды».
«Ну, до Вологды – это полбеды».

Чемодан мой от водки ломится —
Предложил я, как полагается:
«Может, выпить нам – познакомиться, —
Поглядим, кто быстрее сломается!..»

Он сказал: «Вылезать нам в Вологде,
Ну а Вологда – это вона где!..»

Я не помню, кто первый сломался, —
Помню, он подливал, поддакивал, —
Мой язык как шнурок развязался —
Я кого-то ругал, оплакивал...

И проснулся я в городе Вологде,
Но – убей меня – не припомню где.

А потом мне пришили дельце
По статье Уголовного кодекса, —
Успокоили: «Все перемелется», —
Дали срок – не дали опомниться.

И остался я в городе Вологде,
Ну а Вологда – это вона где!..

Пятьдесят восьмую дают статью —
Говорят: «Ничего, вы так молоды...»
Если б знал я, с кем еду, с кем водку пью, —
Он бы хрен доехал до Вологды!

Он живет себе в городе Вологде,
А я – на Севере, а Север – вона где!

...Все обиды мои – годы стерли,
Но живу я теперь как в наручниках:
Мне до боли, до кома в горле
Надо встретить того попутчика!

Но живет он в городе Вологде,
А я – на Севере, а Север – вона где!..

1965

«Сыт я по горло, до подбородка...»

Сыт я по горло, до подбородка —
Даже от песен стал уставать, —
Лечь бы на дно, как подводная лодка,
Чтоб не могли запеленговать!

Друг подавал мне водку в стакане,
Друг говорил, что это пройдет,
Друг познакомил с Веркой по пьяни:
Верка поможет, а водка спасет.

Не помогли ни Верка, ни водка:
С водки – похмелье, а с Верки – что взять!
Лечь бы на дно, как подводная лодка, —
И позывных не передавать!..

Сыт я по горло, сыт я по глотку —
Ох, надоело петь и играть, —
Лечь бы на дно, как подводная лодка,
Чтоб не могли запеленговать!

1965

«В холода, в холода...»

В холода, в холода
От насиженных мест
Нас другие зовут города, —
Будь то Минск, будь то Брест, —
В холода, в холода...

Неспроста, неспроста
От родных тополей
Нас суровые манят места —
Будто там веселей, —
Неспроста, неспроста...

Как нас дома ни грей —
Не хватает всегда
Новых встреч нам и новых друзей, —
Будто с нами беда,
Будто с ними теплей...

Как бы ни было нам
Хорошо иногда —
Возвращаемся мы по домам.
Где же наша звезда?
Может — здесь, может — там...

1965

Высота

Вцепились они в высоту как в свое.
Огонь минометный, шквальный...
А мы всё лезли толпой на нее,
Как на буфет вокзальный.

И крики «ура» застывали во рту,
Когда мы пули глотали.
Семь раз занимали мы ту высоту —
Семь раз мы ее оставляли.

И снова в атаку не хочется всем,
Земля – как горелая каша...
В восьмой раз возьмем мы ее насовсем —
Свое возьмем, кровное, наше!

А можно ее стороной обойти, —
И что мы к ней прицепились?!
Но, видно, уж точно – все судьбы-пути
На этой высоте скрестились.

1965

Песня завистника

Мой сосед объездил весь Союз —
Что-то ищет, а чего — не видно, —
Я в дела чужие не суюсь,
Но мне очень больно и обидно.

У него на окнах — плюш и шелк,
Баба его шастает в халате, —
Я б в Москве с киркой уран нашел
При такой повышенной зарплате!

И сдается мне, что люди врут, —
Он нарочно ничего не ищет:
Для чего? — ведь денежки идут —
Ох, какие крупные деньжищи!

А вчера на кухне ихний сын
Головой упал у нашей двери —
И разбил нарочно мой графин, —
Я — мамаше счет в тройном размере.

Ему, значит, — рупь, а мне — пятак?!
Пусть теперь мне платит неустойку!
Я ведь не из зависти, я так —
Ради справедливости, и только.

...Ничего, я им создам уют —
Живо он квартиру обменяет, —
У них денег — куры не клюют,
А у нас — на водку не хватает!

1965

«Перед выездом в загранку...»

Перед выездом в загранку
Заполняешь кучу бланков —
Это еще не беда, —
Но в составе делегаций
С вами ездит личность в штатском
Просто завсегда.

А за месяц до вояжа
Инструктаж проходишь даже —
Как там проводить все дни:
Чтоб поменьше безобразий,
А потусторонних связей
Чтобы – ни-ни-ни!

...Личность в штатском – парень рыжий —
Мне представился в Париже:
«Будем с вами жить, я – Никодим.
Вел нагрузки, жил в Бобруйске,
Папа – русский, сам я – русский,
Даже не судим».

Исполнительный на редкость,
Соблюдал свою секретность
И во всем старался мне помочь:
Он теперь по роду службы
Дорожил моею дружбой
Просто день и ночь.

На экскурсию по Риму
Я решил – без Никодиму:
Он всю ночь писал – и вот уснул, —
Но личность в штатском, оказалось,
Раньше боксом увлекалась,
Так что – не рискнул.

Со мной он завтракал, обедал,
Он везде – за мною следом, —
Будто у него нет дел.
Я однажды для порядку
Заглянул в его тетрадку —
Просто обалдел!

Он писал – такая стерва! —
Что в Париже я на мэра
С кулаками нападал,

Что я к женщинам несдержан
И влияниям подвержен
Будто Запада...

Значит, личность может даже
Заподозрить в шпионаже!..
Вы прикиньте – что тогда?
Это значит – не увижу
Я ни Риму, ни Парижу
Больше никогда!..

1965

«Есть на земле предостаточно рас...»

Есть на земле предостаточно рас,
Просто цветная палитра, —
Воздуху каждый вдыхает за раз
Два с половиною литра!

Если так дальше, то — полный привет —
Скоро конец нашей эры:
Эти китайцы за несколько лет
Землю лишат атмосферы!

Сон мне тут снился неделю подряд —
Сон с пробуждением кошмарным:
Будто — я в дом, а на кухне сидят
Мао Цзэдун с Ли Сын Маном!

И что — разделился наш маленький шар
На три огромные части:
Нас — миллиард, их — миллиард,
А остальное — китайцы.

И что — подают мне какой-то листок:
На, мол, подписывай — ну же, —
Очень нам нужен ваш Дальний Восток —
Ох как ужасно нам нужен!..

Только об этом я сие вспоминал,
Только о нем я и думал, —
Я сослуживца недавно назвал
Мао — простите — Цзэдуном!

Но вскорости мы на Луну полетим, —
И что нам с Америкой драться:
Левую — нам, правую — им,
А остальное — китайцам.

1965

«В тюрьме Таганской нас стало мало...»

В тюрьме Таганской нас стало мало —
Вести по-бабски нам не пристало.

Дежурный по предбаннику
Все бьет — хоть землю с мелом ешь, —
И я сказал охраннику:
«Ну что ж ты, сука, делаешь?!»

В тюрьме Таганской легавых нету, —
Но есть такие — не взвидишь свету!

И я вчера напарнику,
Который всем нам вслух читал,
Как будто бы охраннику,
Сказал, что он легавым стал.

В тюрьме Таганской бывает хуже, —
Там каждый — волком, никто не дружит.

Вчера я подстаканником
По темечку по белому
Употребил охранника:
Ну что он, сука, делает?!

1965

«Она на двор – он со двора...»

Она на двор – он со двора, —
Такая уж любовь у них.
А он работает с утра,
Всегда с утра работает.

Ее и знать никто не знал,
А он считал пропащею,
А он носился и страдал
Идеею навязчивой:

У ней отец – полковником,
А у него – пожарником, —
Он, в общем, ей не ровня был,
Но вел себя охальником.

Роман случился просто так,
Роман так странно начался:
Он предложил ей четвертак —
Она давай артачиться...

А черный дым все шел и шел,
А черный дым взвивался вверх...
И так им было хорошо —
Любить ее он клялся век.

А клены длинные росли —
Считались колокольнями, —
А люди шли, а люди шли,
Пути шли окольными...

Какие странные дела
У нас в России лепятся!
А как она ему дала,
Расскажут – не поверится...

А после дела темного,
А после дела крупного
Искал места укромные,
Искал места уютные.

И если б наша власть была
Для нас для всех понятная,
То счастье б она нашла, —
А нынче жизнь – проклятая!.

<1965 или 1966>

Песня о сумасшедшем доме

Сказал себе я: брось писать, — но руки сами просятся.
Ох, мама моя родная, друзья любимые!
Лежу в палате — ко́сятся, не сплю: боюсь — набросятся, —
Ведь рядом психи тихие, неизлечимые.

Бывают психи разные — не буйные, но грязные, —
Их лечат, морят голодом, их санитары бьют.
И вот что удивительно: все ходят без смиренных
И то, что мне приносится, всё психи эти жрут.

Куда там Достоевскому с «Записками» известными, —
Увидел бы, покойничек, как бьют об двери лбы!
И рассказать бы Гоголю про нашу жизнь убогую, —
Ей-Богу, этот Гоголь бы нам не поверил бы.

Вот это му́ка, — плюй на них! — они ж ведь, суки, буйные:
Всё норовят меня лизнуть, — ей-Богу, нету сил!
Вчера в палате номер семь один свихнулся насовсем —
Кричал: «Даешь Америку!» — и санитаров бил.

Я не желаю славы, и пока я в полном здравии —
Рассудок не померк еще, но это впереди, —
Вот главврачиха — женщина — пусть тихо, но помешана, —
Я говорю: «Сойду с ума!» — она мне: «Подожди!»

Я жду, но чувствую — уже хожу по лезвию ноже:
Забыл алфавит, падежей припомнил только два...
И я прошу моих друзья, чтоб кто бы их бы ни был я,
Забрать его, ему, меня отсюдава!

Зима 1965/66

Про черта

У меня запой от одиночества —
По ночам я слышу голоса...
Слышу – вдруг зовут меня по отчеству, —
Глянул – черт, – вот это чудеса!
Черт мне корчил рожи и моргал, —
А я ему тихонечко сказал:

«Я, брат, коньяком напился вот уж как!
Ну, ты, наверно, пьешь денатурат...
Слушай, черт-чертяка-чертик-чертушка,
Сядь со мной – я очень буду рад...
Да неужели, черт возьми, ты трус?!
Слезь с плеча, а то перекрещусь!»

Черт сказал, что он знаком с Борисовым —
Это наш запойный управдом, —
Черт за обе щеки хлеб уписывал,
Брезговать не стал и коньяком.
Кончился коньяк – не пропадем, —
Съездим к трем вокзалам и возьмем.

Я уснул, к вокзалам черт мой съездил сам.
Просыпаюсь – снова черт, – боюсь:
Или он по новой мне пригрезился,
Или это я ему кажусь.
Черт ругнулся матом, а потом
Целоваться лез, вилял хвостом.

Насмеялся я над ним до коликов
И спросил: «Как там у вас в аду
Отношение к нашим алкоголикам —
Говорят, их жарят на спирту?!»
Черт опять ругнулся и сказал:
«И там не тот товарищ правит бал!»

...Все кончилось, светлее стало в комнате, —
Черта я хотел опохмелять.
Но растворился черт как будто в омуте...
Я все жду – когда придет опять...
Я не то чтоб чокнутый какой,
Но лучше – с чертом, чем с самим собой.

Зима 1965/66

Песня о сентиментальном боксере

Удар, удар... Еще удар...
Опять удар – и вот
Борис Буткеев (Краснодар)
Проводит апперкот.

Вот он прижал меня в углу,
Вот я едва ушел...
Вот апперкот – я на полу,
И мне нехорошо!

И думал Буткеев, мне челюсть кроша:
И жить хорошо, и жизнь хороша!

При счете семь я все лежу —
Рыдают землячки.
Встаю, ныряю, ухожу —
И мне идут очки.

Неправда, будто бы к концу
Я силы берегу, —
Бить человека по лицу
Я с детства не могу.

Но думал Буткеев, мне ребра круша:
И жить хорошо, и жизнь хороша!

В трибунах свист, в трибунах вой:
«Ату его, он трус!»
Буткеев лезет в ближний бой —
А я к канатам жмусь.

Но он пролез – он сибиряк,
Настырные они, —
И я сказал ему: «Чудак!
Устал ведь – отдохни!»

Но он не услышал – он думал, дыша,
Что жить хорошо и жизнь хороша!

А он всё бьет – здоровый, черт! —
Я вижу – быть беде.
Ведь бокс не драка – это спорт
Отважных и т. д.

Вот он ударил – раз, два, три —

И... сам лишился сил, —
Мне руку поднял рефе́ри,
Которой я не бил.

Лежал он и думал, что жизнь хороша.
Кому хороша, а кому – ни шиша!

1966

Песня о конькобежце на короткие дистанции, которого заставили бежать на длинную

Десять тысяч – и всего один забег остался.
В это время наш Бескудников Олег зазнался:

Я, говорит, болен, бюллетеню, нету сил – и сгинул.
Вот наш тренер мне тогда и предложил: беги, мол.

Я ж на длинной на дистанции помру – не охну, —
Пробегу, быть может, только первый круг – и сдохну!
Но сурово эдак тренер мне: мол, надо, Федя, —
Главное дело – чтобы воля, говорит, была к победе.

Воля волей, если сил невпроворот, – а я увлекся:
Я на десять тыщ рванул как на пятьсот – и спёкся!
Подвела меня – ведь я предупреждал! – дыхалка:
Пробежал всего два круга – и упал, – а жалко!

И наш тренер, экс– и вице-чемпион ОРУДа,
Не пускать меня велел на стадион – иуда!
Ведь вчера мы только брали с ним с тоски по банке —
А сегодня он кричит: «Меняй коньки на санки!»

Жалко тренера – он тренер неплохой, – ну Бог с ним!
Я ведь нынче занимаюсь борьбой и боксом, —
Не имею больше я на счет на свой сомнений:
Все вдруг стали очень вежливы со мной, и – тренер...

1966

«А люди все роптали и роптали...»

А люди всё роптали и роптали,
А люди справедливости хотят:
«Мы в очереди первыми стояли, —
А те, кто сзади нас, уже едят!»

Им объяснили, чтобы не ругаться:
«Мы просим вас, уйдите, дорогие!
Те, кто едят, — ведь это иностранцы,
А вы, прошу прощенья, кто такие?»

Но люди всё роптали и роптали,
Но люди справедливости хотят:
«Мы в очереди первыми стояли, —
А те, кто сзади нас, уже едят!»

Им снова объяснил администратор:
«Я вас прошу, уйдите, дорогие!
Те, кто едят, — ведь это ж делегаты,
А вы, прошу прощенья, кто такие?»

Но люди всё роптали и роптали,
Но люди справедливости хотят:
«Мы в очереди первыми стояли, —
А те, кто сзади нас, уже едят...»

1966

Дела

Дела!
Меня замучили дела – каждый миг, каждый час, каждый день, —
Дотла
Сгорело время, да и я – нет меня, – только тень, только тень!

Ты ждешь...
А может, ждать уже устал – и ушел или спишь, —
Ну что ж, —
Быть может, мысленно со мной говоришь...

Теперь
Ты должен вечер мне один подарить, подарить, —
Поверь,
Мы будем только говорить!

Опять!
Все время новые дела у меня, всё дела и дела...
Догнать,
Или успеть, или найти... Нет, опять не нашла, не нашла!

Беда!
Теперь мне кажется, что мне не успеть за судьбой —
Всегда
Последний в очереди ты, дорогой!

Теперь
Ты должен вечер мне один подарить, подарить, —
Поверь,
Мы будем долго говорить!

Подруг
Давно не вижу – всё дела у меня, без конца всё дела, —
И вдруг
Сгорели пламенем дотла все дела, – не дела, а зола!

Весь год
Он ждал, но дольше ждать и дня не хотел, не хотел, —
И вот
Не стало вовсе у меня больше дел.

Теперь
Ты должен вечер мне один подарить, подарить, —
Поверь,
Что мы не будем говорить!

1966, ред. <1973>

Песня о друге

Если друг оказался вдруг
И не друг, и не враг, а так;
Если сразу не разберешь,
Плох он или хорош, —
Парня в горы тьяни – рискни! —
Не бросай одного его:
Пусть он в связке в одной с тобой —
Там поймешь, кто такой.

Если парень в горах – не ах,
Если сразу раскис – и вниз,
Шаг ступил на ледник – и сник,
Оступился – и в крик, —
Значит, рядом с тобой – чужой,
Ты его не брани – гони:
Вверх таких не берут и тут
Про таких не поют.

Если ж он не скулил, не ныл,
Пусть он хмур был и зол, но шел,
А когда ты упал со скал,
Он стонал, но держал;
Если шел он с тобой как в бой,
На вершине стоял – хмельной, —
Значит, как на себя самого
Положись на него!

1966

Здесь вам не равнина

Здесь вам не равнина, здесь климат иной —
Идут лавины одна за одной,
И здесь за камнепадом ревет камнепад, —
И можно свернуть, обрыв обогнуть, —
Но мы выбираем трудный путь,
Опасный, как военная тропа.

Кто здесь не бывал, кто не рисковал —
Тот сам себя не испытал,
Пусть даже внизу он звезды хватал с небес:
Внизу не встретишь, как ни тянись,
За всю свою счастливую жизнь
Десятой доли таких красот и чудес.

Нет алых роз и траурных лент,
И не похож на монумент
Тот камень, что покой тебе подарил, —
Как Вечным огнем, сверкает днем
Вершина изумрудным льдом —
Которую ты так и не покорил.

И пусть говорят, да, пусть говорят,
Но — нет, никто не гибнет зря!
Так лучше — чем от водки и от простуд.
Другие придут, сменив уют
На риск и непомерный труд, —
Пройдут тобой не пройденный маршрут.

Отвесные стены... А ну — не зевай!
Ты здесь на везение не уповай —
В горах не надежны ни камень, ни лед, ни скала,
Надеемся только на крепость рук,
На руки друга и вбитый крюк —
И молимся, чтобы страховка не подвела.

Мы рубим ступени... Ни шагу назад!
И от напряженья колени дрожат,
И сердце готово к вершине бежать из груди.
Весь мир на ладони — ты счастлив и нем
И только немного завидуешь тем,
Другим — у которых вершина еще впереди.

1966

Военная песня

Мерцал закат, как сталь клинка.
Свою добычу смерть считала...
Бой будет завтра, а пока
Взвод зарывался в облака
И уходил по перевалу.

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!

А до войны – вот этот склон
Немецкий парень брал с тобою,
Он падал вниз, но был спасен, —
А вот сейчас, быть может, он
Свой автомат готовит к бою.

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!

Ты снова здесь, ты собран весь —
Ты ждешь заветного сигнала.
И парень тот – он тоже здесь,
Среди стрелков из «Эдельвейс», —
Их надо сбросить с перевала!

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!

Взвод лезет вверх, а у реки —
Тот, с кем ходил ты раньше в паре.
Мы ждем атаки до тоски,
А вот альпийские стрелки
Сегодня что-то не в ударе...

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!

1966

Скалолазка

Я спросил тебя: «Зачем идете в гору вы? —
А ты к вершине шла, а ты рвалась в бой. —
Ведь Эльбрус и с самолета видно здорово...»
Рассмеялась ты – и взяла с собой.

И с тех пор ты стала близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя, —
Первый раз меня из трещины вытаскивая,
Улыбалась ты, скалолазка моя!

А потом за эти проклятые трещины,
Когда ужин твой я нахваливал,
Получил я две короткие затрещины —
Но не обиделся, а приговаривал:

«Ох, какая же ты близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя!..»
Каждый раз меня по трещинам выискивая,
Ты бранила меня, альпинистка моя!

А потом на каждом нашем восхождении —
Ну почему ты ко мне недоверчивая?! —
Страховала ты меня с наслаждением,
Альпинистка моя гуттаперчевая!

Ох, какая ж ты не близкая, не ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя!
Каждый раз меня из пропасти вытаскивая,
Ты ругала меня, скалолазка моя.

За тобой тянулся из последней силы я —
До тебя уже мне рукой подать, —
Вот долезу и скажу: «Довольно, милая!»
Тут сорвался вниз, но успел сказать:

«Ох, какая же ты близкая и ласковая,
Альпинистка моя скалоласковая!..»
Мы теперь с тобою одной веревкой связаны,
Стали оба мы скалолазами!

1966

Прощание с горами

В суету городов и в потоки машин
Возвращаемся мы – просто некуда деться! —
И спускаемся вниз с покоренных вершин,
Оставляя в горах свое сердце.

Так оставьте ненужные споры —
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых еще не бывал.

Кто захочет в беде оставаться один,
Кто захочет уйти, зову сердца не внемля?!
Но спускаемся мы с покоренных вершин, —
Что же делать – и боги спускались на землю.

Так оставьте ненужные споры —
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых еще не бывал.

Сколько слов и надежд, сколько песен и тем
Горы будят у нас – и зовут нас остаться! —
Но спускаемся мы – кто на год, кто совсем, —
Потому что всегда мы должны возвращаться.

Так оставьте ненужные споры —
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых никто не бывал!

1966

«Свои обиды каждый человек...»

Свои обиды каждый человек —
Проходит время — и забывает.
А моя печаль — как вечный снег:
Не тает, не тает.

Не тает она и летом
В полуденный зной, —
И знаю я: печаль-тоску мне эту
Век носить с собой.

1966

Она была в Париже¹

Наверно, я погиб: глаза закрою – вижу.
Наверно, я погиб: робею, а потом —
Куда мне до нее – она была в Париже,
И я вчера узнал – не только в ём одном!
Какие песни пел я ей про Север дальний! —
Я думал: вот чуть-чуть – и будем мы на ты, —
Но я напрасно пел о полосе нейтральной —
Ей глубоко плевать, какие там цветы.
Я спел тогда еще – я думал, это ближе —
«Про счетчик», «Про того, кто раньше с нею был»...
Но что ей до меня – она была в Париже, —
Ей сам Марсель Марсо чевой-то говорил!
Я бросил свой завод – хоть, в общем, был не вправе, —
Засел за словари на совесть и на страх...
Но что ей от того – она уже в Варшаве, —
Мы снова говорим на разных языках...

Приедет – я скажу по-польски: «Про́шу, пани,
Прими таким как есть, не буду больше петь...»
Но что ей до меня – она уже в Иране, —
Я понял: мне за ней, конечно, не успеть!

Она сегодня здесь, а завтра будет в Осле, —
Да, я попал впросак, да, я попал в беду!..
Кто раньше с нею был и тот, кто будет после, —
Пусть пробуют они – я лучше пережду!

1966

¹ Эта песня посвящена Ларисе Лужиной. (Примеч. сост.)

Песня о новом времени

Как призывный набат, прозвучали в ночи тяжело шаги, —
Значит, скоро и нам — уходить и прощаться без слов.
По нехоженным тропам протопали лошади, лошади,
Неизвестно к какому концу унося седоков.

Наше время иное, лихое, но счастье, как встарь, ищи!
И в погоню летим мы за ним, убегающим, вслед.
Только вот в этой скачке теряем мы лучших товарищей,
На скаку не заметив, что рядом — товарищей нет.

И еще будем долго огни принимать за пожары мы,
Будет долго зловещим казаться нам скрип сапогов,
О войне будут детские игры с названиями старыми,
И людей будем долго делить на своих и врагов.

А когда отгрохочет, когда отгорит и отплачется,
И когда наши кони устанут под нами скакать,
И когда наши девушки сменят шинели на платья, —
Не забыть бы тогда, не простить бы и не потерять!..

<1966 или 1967>

Гололед

Гололед на Земле, гололед —
Целый год напролет гололед.
Будто нет ни весны, ни лета —
В саван белый одета планета —
Люди, падая, бьются об лед.

Гололед на Земле, гололед —
Целый год напролет гололед.
Гололед, гололед, гололед —
Целый год напролет, целый год.

Даже если всю Землю – в облет,
Не касаясь планеты ногами, —
Не один, так другой упадет
На поверхность, а там – гололед! —
И затопчут его сапогами.

Гололед на Земле, гололед —
Целый год напролет гололед.
Гололед, гололед, гололед —
Целый год напролет, целый год.

Только – лед, словно зеркало, лед,
Но на детский каток не похоже, —
Может – зверь не упавши пройдет...
Гололед! – и двуногий встает
На четыре конечности тоже.

Гололед на Земле, гололед —
Целый год напролет гололед.
Гололед, гололед, гололед —
Целый год напролет, целый год.

Зима 1966/67, ред. <1973>

«Вот – главный вход, но только вот...»

Вот – главный вход, но только вот
Упрашивать – я лучше сдохну, —
Вхожу я через черный ход,
А выходить стараюсь в окна.

Не вгоняю я в гроб никого,
Но вчера меня, тепленького —
Хоть бываю и хуже я сам, —
Оскорбили до ужаса.

И, плюнув в пьяное мурло
И обвязав лицо портьерой,
Я вышел прямо сквозь стекло —
В объятья к милиционеру.

И меня – окровавленного,
Всенародно прославленного,
Прям как был я – в амбиции
Довели до милиции.

И, кулаками покарав
И попинав меня ногами,
Мне присудили крупный штраф —
За то, что я нахулиганил.

А потом – перевязанному,
Несправедливо наказанному —
Сердобольные мальчики
Дали спать на диванчике.

Проснулся я – еще темно, —
Успел поспать и отдохнуть я, —
Встаю и, как всегда, – в окно,
Но на окне – стальные прутья!

И меня – патентованного,
Ко всему подготовленного, —
Эти прутья печальные
Ввергли в бездну отчаянья.

А рано утром – верь не верь —
Я встал, от слабости шатаюсь, —
И вышел в дверь – я вышел в дверь!
С тех пор в себе я сомневаюсь.

В мире – тишь и безветрие,
Чистота и симметрия, —
На душе моей – тягостно,
И живу я безрадостно.

Зима 1966/67

«Корабли постоят – и ложатся на курс...»

Корабли постоят – и ложатся на курс, —
Но они возвращаются сквозь непогоды...
Не пройдет и полгода – и я появлюсь, —
Чтобы снова уйти на полгода.

Возвращаются все – кроме лучших друзей,
Кроме самых любимых и преданных женщин.
Возвращаются все – кроме тех, кто нужней, —
Я не верю судьбе, а себе – еще меньше.

Но мне хочется верить, что это не так,
Что сжигать корабли скоро выйдет из моды.
Я, конечно, вернусь – весь в друзьях и в делах —
Я, конечно, спою – не пройдет и полгода.

Я, конечно, вернусь – весь в друзьях и в мечтах,
Я, конечно, спою – не пройдет и полгода.

<1967>

Случай в ресторане

В ресторане по стенкам висят тут и там —
«Три медведя», «Заколотый витязь»...
За столом одиноко сидит капитан.
«Разрешите?» – спросил я. «Садитесь!

...Закури!» – «Извините, «Казбек» не курю...»
«Ладно, выпей, – давай-ка посуду!..
Да пока принесут... Пей, кому говорю!
Будь здоров!» – «Обязательно буду!»

«Ну так что же, – сказал, захмелев, капитан, —
Водку пьешь ты красиво, однако.
А видал ты вблизи пулемет или танк?
А ходил ли ты, скажем, в атаку?

В сорок третьем под Курском я был старшиной, —
За мою спиной – такое...
Много всякого, брат, за мою спиной,
Чтоб жилось тебе, парень, спокойно!»

Он ругался и пил, он спросил про отца,
И кричал он, уставясь на блюдо:
«Я полжизни отдал за тебя, подлеца, —
А ты жизнь прожигаешь, иуда!

А винтовку тебе, а послать тебя в бой?!
А ты водку тут хлещешь со мною!..»
Я сидел как в окопе под Курской дугой —
Там, где был капитан старшиною.

Он все больше хмелел, я – за ним по пятам, —
Только в самом конце разговора
Я обидел его – я сказал: «Капитан,
Никогда ты не будешь майором!..»

1967

Два письма

I

Здравствуй, Коля, милый мой, друг мой ненаглядный!
Во первых строках письма шлю тебе привет.
Вот вернешься ты, боюсь, занятой, нарядный —
Не заглянешь и домой — сразу в сельсовет.

Как уехал ты — я в крик, — бабы прибежали:
«Ой, разлуки, — говорят, — ей не перенести».
Так скучала за тобой, что меня держали, —
Хоть причина не скучать очень даже есть.

Тута Пашка приходил — кум твой окаянный, —
Еле-еле не далась — даже щас дрожу.
Он три дня уж, почитай, ходит злой и пьяный —
Перед тем как приставать, пьет для куражу.

Ты, болтают, получил премию большую;
Будто Борька, наш бугай, — первый чемпион...
К злыдню этому быку я тебя ревную
И люблю тебя сильнее, нежели чем он.

Ты приснился мне во сне — пьяный, злой,
угрюмый, —
Если думаешь чего — так не мучь себя:
С агрономом я прошла, — только ты не думай —
Говорили мы весь час только про тебя.

Я-то ладно, а вот ты — страшно за тебя-то:
Тут недавно приезжал очень важный чин, —
Так в столице, говорит, всякие развраты,
Да и женщин, говорит, больше, чем мужчин.

Ты уж, Коля, там не пей — потерпи до дому, —
Дома можешь хоть чего: можешь — хоть в запой!
Мне не надо никого — даже агроному, —
Хоть культурный человек — не сравню с тобой.

Наш амбар в дожди течет — прохудился, верно, —
Без тебя немоготу — кто создаст уют?!
Хоть какой, но приезжай — жду тебя безмерно!
Если можешь, напиши — что там продают.

1967

II

Не пиши мне про любовь – не поверю я:
Мне вот тут уже дела твои прошлые.
Слушай лучше: тут – с лавсаном материя, —
Если хочешь, я куплю – вещь хорошая.

Водки я пока не пил– ну ни стопочки!
Экономлю и не ем даже супу я, —
Потому что я куплю тебе кофточку,
Потому что я люблю тебя, глупая.

Был в балете, – мужики девок лапают.
Девки – все как на подбор – в белых тапочках.
Вот пишу, а слезы душат и капают:
Не давай себя хватать, моя лапочка!

Наш бугай – один из первых на выставке.
А сперва кричали – будто бракованный, —
Но очухались – и вот дали приз таки:
Весь в медалях он лежит, запакованный.

Председателю скажи, пусть избу мою
Кроют нынче же, и пусть травку выкосют, —
А не то я тёлок крыть – не подумаю:
Рекордсмена портить мне – на-кось, выкуси!

Пусть починют наш амбар – ведь не гнить зерну!
Будет Пашка приставать – с им как с предателем!
С агрономом не гуляй – ноги выдерну, —
Можешь раза два пройтись с председателем.

До свидания, я – в ГУМ, за покупками:
Это – вроде наш лабаз, но – со стеклами...
Ты мне можешь надоесть с полушубками,
В сером платице с узорами блеклыми.

...Тут стоит культурный парк по-над речкою,
В ем гуляю – и плюю только в урны я.
Но ты, конечно, не поймешь – там, за печкою,
Потому – ты темнота некультурная.

1966

Песня о вещей Кассандре

Долго Троя в положении осадном
Оставалась неприступною твердыней,
Но троянцы не поверили Кассандре, —
Троя, может быть, стояла б и поныне.

Без умолку безумная девица
Кричала: «Ясно вижу Трою павшей в прах!»
Но ясновидцев – впрочем, как и очевидцев —
Во все века сжигали люди на кострах.

И в ночь, когда из чрева лошади на Трою
Спустилась смерть, как и положено, крылата,
Над избиваемой безумною толпою
Кто-то крикнул: «Это ведьма виновата!»

Без умолку безумная девица
Кричала: «Ясно вижу Трою павшей в прах!»
Но ясновидцев – впрочем, как и очевидцев —
Во все века сжигали люди на кострах.

И в эту ночь, и в эту смерть, и в эту смуту,
Когда сбылись все предсказания на славу,
Толпа нашла бы подходящую минуту,
Чтоб учинить свою привычную расправу.

Без устали безумная девица
Кричала: «Ясно вижу Трою павшей в прах!»
Но ясновидцев – впрочем, как и очевидцев —
Во все века сжигали люди на кострах.

Конец простой – хоть не обычный, но досадный:
Какой-то грек нашел Кассандрину обитель, —
И начал пользоваться ей не как Кассандрой,
А как простой и ненасытный победитель.

Без умолку безумная девица
Кричала: «Ясно вижу Трою павшей в прах!»
Но ясновидцев – впрочем, как и очевидцев —
Во все века сжигали люди на кострах.

1967

Спасите наши души

Уходим под воду
В нейтральной воде.
Мы можем по году
Плевать на погоду, —
А если накроют —
Локаторы взвоят
О нашей беде.

Спасите наши души!
Мы бредим от удушья.
Спасите наши души!
Спешите к нам!
Услышьте нас на суше —
Наш SOS все глуше, глуше, —
И ужас режет души
Напополам...

И рвутся аорты,
Но наверх – не сметь!
Там слева по борту,
Там справа по борту,
Там прямо по ходу —
Мешает проходу
Рогатая смерть!

Спасите наши души!
Мы бредим от удушья.
Спасите наши души!
Спешите к нам!
Услышьте нас на суше —
Наш SOS все глуше, глуше, —
И ужас режет души
Напополам...

Но здесь мы – на воле, —
Ведь это наш мир!
Свихнулись мы, что ли, —
Всплывать в минном поле!
«А ну, без истерик!
Мы врежемся в берег», —
Сказал командир.

Спасите наши души!
Мы бредим от удушья.
Спасите наши души!

Спешите к нам!
Услышьте нас на суше —
Наш SOS все глуше, глуше, —
И ужас режет души
Напополам...

Всплывем на рассвете —
Приказ есть приказ!
Погибнуть во цвете —
Уж лучше при свете!
Наш путь не отмечен...
Нам нечем... Нам нечем!..
Но помните нас!

Спасите наши души!
Мы бредим от удушья.
Спасите наши души!
Спешите к нам!
Услышьте нас на суше —
Наш SOS все глуше, глуше, —
И ужас режет души
Напополам...

Вот вышли наверх мы.
Но выхода нет!
Вот – полный на верфи!
Натянуты нервы.
Конец всем печалям,
Концам и началам —
Мы рвемся к причалам
Заместо торпед!

Спасите наши души!
Мы бредим от удушья.
Спасите наши души!
Спешите к нам!
Услышьте нас на суше —
Наш SOS все глуше, глуше, —
И ужас режет души
Напополам...

Спасите наши души!
Спасите наши души...

1967

Дом хрустальный

Коли я богат, как царь морской,
Крикни только мне: «Лови блесну!» —
Мир подводный и надводный свой,
Не задумываясь, выплесну!

Дом хрустальный на горе — для нее,
Сам, как пес бы, так и рос — в цепи.
Родники мои серебряные,
Золотые мои россыпи!

Если беден я, как пес — один,
И в дому моем — шаром кати, —
Ведь поможешь ты мне, Господи,
Не позволишь жизнь скомкати!

Дом хрустальный на горе — для нее,
Сам, как пес бы, так и рос — в цепи.
Родники мои серебряные,
Золотые мои россыпи!

Не сравнил бы я любую с тобой, —
Хоть казни меня, расстреливай.
Посмотри, как я любуюсь тобой —
Как мадонной Рафаэлевой!

Дом хрустальный на горе — для нее,
Сам, как пес бы, так и рос — в цепи.
Родники мои серебряные,
Золотые мои россыпи!

1967

Невидимка

Сижу ли я, пишу ли я, пью кофе или чай,
Приходит ли знакомая блондинка —
Я чувствую, что на меня глядит соглядата́й,
Но только не простой, а – невидимка.

Иногда срываюсь с места
Будто тронутый я,
До сих пор моя невеста —
Мной не тронутая!

Про погоду мы с невестой
Ночью диспуты ведем,
Ну а что другое если —
Мы стесняемся при ём.

Обидно мне,
Досадно мне, —
Ну ладно!

Однажды выпиваю – да и кто сейчас не пьет!
Нейдет она: как рюмка – так в отрывку, —
Я чувствую – сидит, подлец, и выпитому счет
Ведет в свою невидимую книжку.

Иногда срываюсь с места
Как напудренный я,
До сих пор моя невеста —
Целомудренная!

Про погоду мы с невестой
Ночью диспуты ведем,
Ну а что другое если —
Мы стесняемся при ём.

Обидно мне,
Досадно мне, —
Ну ладно!

Я дергался, я нервничал – на выдумки пошел:
Вот лягу спать и подымаю храп; ну,
Коньяк открытый ставлю и – закусочки на стол, —
Вот сядет он – тут я его и хапну!

Иногда срываюсь с места
Будто тронутый я,

До сих пор моя невеста —
Мной не тронутая!

Про погоду мы с невестой
Ночью диспуты ведем,
Ну а что другое если —
Мы стесняемся при ём.

Обидно мне,
Досадно мне, —
Ну ладно!

К тому ж он мне вредит, — да вот не дале как вчера,
Поймаю, так убью его на месте! —
Сижу, а мой партнер подряд играет «мизера́»,
А у меня «гора» — три тыщи двести.

Побледнев, срываюсь с места
Как напудренный я,
До сих пор моя невеста —
Целомудренная!

Про погоду мы с невестой
Ночью диспуты ведем,
Ну а что другое если —
Мы стесняемся при ём.

Обидно мне,
Досадно мне, —
Ну ладно!

А вот он мне недавно на работу написал
Чудовищно тупую анонимку, —
Начальник прочитал, мне показал, — а я узнал
По почерку — родную невидимку.

Оказалась невидимкой —
Нет, не тронутый я —
Эта самая блондинка,
Мной не тронутая!

Эта самая блондинка...
У меня весь лоб горит!
Я спросил: «Зачем ты, Нинка?»
«Чтоб женился», — говорит.

Обидно мне,
Досадно мне, —
Ну ладно!

1967

Песня про плотника Иосифа, Деву Марию, Святого Духа и непорочное зачатие

Возвращаюсь с работы,
Рашпиль ставлю у стены, —
Вдруг в окно порхает кто-то
Из постели от жены!

Я, конечно, вопрошаю:
«Кто такой?»
А она мне отвечает:
«Дух Святой!»

Ох, я встречу того Духа —
Ох, отмечу его в ухо!
Дух он тоже Духу рознь:
Коль Святой – так Машку брось!

Хочь ты – кровь голубая,
Хочь ты – белая кость, —
Вот родится Он, и знаю —
Не пожалует Христос!

Машка – вредная натура —
Так и лезет на скандал, —
Разобиделась, дура:
Вроде, значит, помешал!

Я сперва-сначала с лаской:
То да се...
А она – к стене с опаской:
«Нет, и все!»

Я тогда цежу сквозь зубы,
Но уже, конечно, грубо:
«Хочь он возрастом и древний,
Хочь годов ему тыщ шесть, —
У него в любой деревне
Две-три бабы точно есть!»

Я – к Марии с предложеньем,
Я на выдумки мастак! —
Мол, в другое воскресенье
Ты, Мария, сделай так:

Я потопаю под утро —
Мол, пошел, —

А ты прими его как будто,
Хорошо?

Ты накрой его периной —
И запой, — тут я с дубиной!
Он — крылом, а я — колом,
Он — псалом, а я — кайлом!

Тут, конечно, он сдается —
Честь Марии спасена, —
Потому что, мне сдается,
Этот Ангел — Сатана!

...Вот влетаю с криком, с дровом,
Весь в надежде на испуг...
Машка плачет. «Машка, где он?» —
«Улетел, желанный Дух!» —

«Как же это, я не знаю,
Как успел?»
«Да вот так вот, — отвечает, —
Улетел!

Он псалом мне прочитал
И крылом пощекотал...»
«Ты шутить с живым-то мужем!
Ах ты скверная жена!..»
Я взмахнул своим оружием...
Смейся, смейся, Сатана!

1967

Дайте собакам мяса

Дайте собакам мяса —
Может, они подерутся.
Дайте похмельным кваса —
Авось они перебудутся.

Чтоб не жиреть воронам,
Ставьте побольше пугал.
Чтобы любить, влюбленным
Дайте укромный угол.

В землю бросайте зерна —
Может, появятся всходы.
Ладно, я буду покорным —
Дайте же мне свободу!

Псам мясные ошметки
Дали – а псы не подрались.
Дали пьяницам водки —
А они отказались.

Люди ворон пугают —
А воронье не боится.
Пары соединяют —
А им бы разъединиться.

Лили на землю воду —
Нету колосьев, – чудо!
Мне вчера дали свободу —
Что я с ней делать буду?!

1967

Моя цыганская

В сон мне – желтые огни,
И хриплю во сне я:
«Повремени, повремени —
Утро мудренее!»
Но и утром все не так,
Нет того веселья:
Или куришь натошак,
Или пьешь с похмелья.

В кабаках – зеленый штоф,
Белые салфетки, —
Рай для нищих и шутов,
Мне ж – как птице в клетке.
В церкви – смрад и полумрак,
Дьяки курят ладан...
Нет, и в церкви все не так,
Все не так, как надо!

Я – на гору впопыхах,
Чтоб чего не вышло, —
На горе стоит ольха,
Под горою – вишня.

Хоть бы склон увить плющом —
Мне б и то отрада,
Хоть бы что-нибудь еще...
Все не так, как надо!

Я – по полю вдоль реки:
Света – тьма, нет Бога!
В чистом поле – васильки,
Дальняя дорога.
Вдоль дороги – лес густой
С бабами-ягами,
А в конце дороги той —
Плаха с топорами.

Где-то кони пляшут в такт,
Нехотя и плавно.
Вдоль дороги все не так,
А в конце – подавно.
И ни церковь, ни кабак —
Ничего не свято!
Нет, ребята, все не так!
Все не так, ребята...

Зима 1967/68

«На стол колоду, господа...»

«На стол колоду, господа, —
Крапленая колода!
Он подменил ее». — «Когда?» —
«Барон, вы пили воду...

Валет наколот, так и есть!
Барон, ваш долг погашен!
Вы проходимец, ваша честь, —
И я к услугам вашим!

Что? Я не слышу ваш апарт...
О нет, так не годится!»
...А в это время Бонапарт
Переходил границу.

«Закончить не смогли вы кон —
Верните бриллианты!
А вы, барон, и вы, виконт,
Пожалте в секунданты!

Ответьте, если я не прав, —
Но наперед все лживо!
Итак, оружие ваше, граф?!
За вами выбор — живо!

Вы не получите инфаркт,
Вам не попасть в больницу!»
...А в это время Бонапарт
Переходил границу.

«Да полно, назначаю сам:
На шпагах, пистолетах...
Хотя сподручней было б вам —
На дамских амулетах.

Кинжал... — ах, если б вы смогли!..
Я дрался им в походах!
Но вы б, конечно, предпочли —
На шулерских колодах!

Вам скоро будет не до карт —
Вам предстоит сразиться!»
...А в это время Бонапарт
Переходил границу.

«Не поднимайте, ничего, —
Я встану сам, сумею!
Я снова вызову его,
Пусть даже протрезвею.

Барон, молчать! Виконт, не хнычь!
Плевать, что тьма народу!
Пусть он расскажет, старый хрыч,
Чем он крапил колоду!

Когда откроет тайну карт —
Дуэль не состоится!»
...А в это время Бонапарт
Переходил границу.

«А коль откажется сказать —
Клянусь своей главою:
Графиню можете считать
Сегодня же вдовою.

И хоть я шуток не терплю,
Но я могу взбеситься, —
Тогда я графу прострелю,
Экскюз ми, ягодицу!»

Стоял июль, а может — март.
Летели с юга птицы...
А в это время Бонапарт
Переходил границу.

...«Ах, граф, прошу меня простить —
Я вел себя бестактно, —
Я в долг хотел у вас просить,
Но не решился как-то.

Хотел просить наедине —
Мне на людях неловко —
И вот пришлось затеять мне
Дебош и потасовку.

О да, я выпил целый штоф —
И сразу вышел червой...
Дурак?! Вот как! Что ж, я готов!
Итак, ваш выстрел первый...»

Стоял весенний месяц март,
Летели с юга птицы...
А в это время Бонапарт
Переходил границу.

1968

«Сколько чудес за туманами кроется...»

Сколько чудес за туманами кроется —
Ни подойти, ни увидеть, ни взять, —
Дважды пытались, но Бог любит троицу —
Глупо опять поворачивать вспять.

Выучи намертво, не забывай
И повторяй как заклинанье:
«Не потеряй веру в тумане,
Да и себя не потеряй!»

Было когда-то — тревожили беды нас, —
Многих туман укрывал от врагов.
Нынче, туман, не нужна твоя преданность —
Хватит тайгу запираť на засов!

Выучи намертво, не забывай
И повторяй как заклинанье:
«Не потеряй веру в тумане,
Да и себя не потеряй!»

Тайной покрыто, молчанием сколото —
Заколдовала природа-шаман.
Черное золото, белое золото
Сторож седой охраняет — туман.

Только ты выучи, не забывай
И повторяй как заклинанье:
«Не потеряй веру в тумане,
Да и себя не потеряй!»

Что же выходит — и пробовать нечего,
Перед туманом ничто человек?
Но от тепла, от тепла человеческого
Даже туман поднимается вверх!

Выучи, вызубри, не забывай
И повторяй как заклинанье:
«Не потеряй веру в тумане,
Да и себя не потеряй!»

1968

Песня командировочного

Всего один мотив
Доносит с корабля;
Один аккредитив —
На двадцать два рубля.

А жить еще две недели,
Работы – на восемь лет, —
Но я докажу на деле,
На что способен аскет!

Дежурная по этажу
Грозилась мне на днях, —
В гостиницу вхожу
Бесшумно – на руках.

А жить еще две недели,
Работы – на восемь лет, —
Но я докажу на деле,
На что способен аскет!

В столовой номер два
Всегда стоит кефир;
И мыслей полна голова,
И все – про загробный мир.

А жить еще две недели,
Работы – на восемь лет, —
Но я докажу на деле,
На что способен аскет!

Одну в кафе позвал, —
Увы, романа нет, —
Поел – и побежал,
Как будто в туалет.

А жить еще две недели,
Работы – на восемь лет, —
Но я докажу на деле,
На что способен аскет!

А пляжи все полны
Пленительнейших вдов, —
Но стыдно снять штаны:
Ведь я здесь с холодов.

А жить еще две недели,
Работы – на восемь лет, —
Но я докажу на деле,
На что способен аскет!

О про́клятый Афон! —
Влюбился, словно тля, —
Беру последний фонд —
Все двадцать два рубля.

Пленительна, стройна, —
Все деньги на проезд,
Наверное, она
Сегодня же проест.

А жить еще две недели,
Работы – на восемь лет, —
Но я докажу на деле,
На что способен... скелет!

1968

Я уехал в Магадан

Ты думаешь, что мне – не по годам,
Я очень редко раскрываю душу, —
Я расскажу тебе про Магадан —
Слушай!

Как я видел Нагайскую бухту да тракты, —
Улетел я туда не с бухты– барахты.

Однажды я уехал в Магадан —
Я от себя бежал как от чахотки.
Я сразу там напился вдрабадан
Водки!

Но я видел Нагайскую бухту да тракты, —
Улетел я туда не с бухты– барахты.

За мной летели слухи по следам,
Опережая самолет и вьюгу, —
Я все-таки уехал в Магадан
К другу!

И я видел Нагайскую бухту да тракты, —
Улетел я туда не с бухты– барахты.

Я повода врагам своим не дал —
Не взрезал вены, не порвал аорту, —
Я взял да как уехал в Магадан,
К черту!

Я увидел Нагайскую бухту да тракты, —
Улетел я туда не с бухты– барахты.

Я, правда, здесь оставил много дам, —
Писали мне: «Все ваши дамы биты!»
Ну что ж – а я уехал в Магадан, —
Квиты!

И я видел Нагайскую бухту да тракты, —
Улетел я туда не с бухты– барахты.

Когда подходит дело к холодам, —
Пусть это далеко, да и накладно, —
Могу уехать к другу в Магадан —
Ладно!

Ты не видел Нагайскую бухту – дурак ты!
Улетел я туда не с бухты– барахты.

1968

«Красивых любят чаще и прилежней...»

Красивых любят чаще и прилежней,
Веселых любят меньше, но быстрее, —
И молчаливых любят, только реже,
Зато уж если любят, то сильнее.

Не кричи нежных слов, не кричи,
До поры поддержи их в неволе, —
Пусть кричат пароходы в ночи,
Ну а ты промолчи, помолчи, —
Поспешишь – и ищи ветра в поле.

Она читает грустные романы, —
Ну пусть сравнит, и ты доверься ей, —
Ведь появились черные тюльпаны —
Чтобы казались белые белей.

Не кричи нежных слов, не кричи,
До поры поддержи их в неволе, —
Пусть поэты кричат и грачи,
Ну а ты помолчи, промолчи, —
Поспешишь – и ищи ветра в поле.

Слова бегут, им тесно – ну и что же! —
Ты никогда не бойся опоздать.
Их много – слов, но все же если можешь,
Скажи, когда не можешь не сказать.

Но не кричи этих слов, не кричи,
До поры поддержи их в неволе, —
Пусть кричат пароходы в ночи...
Замолчи, промолчи, помолчи, —
Поспешишь – и ищи ветра в поле.

1968

«Давно смолкли залпы орудий...»

Давно смолкли залпы орудий,
Над нами лишь солнечный свет, —
На что проверяются люди,
Если войны уже нет?

Приходится слышать нередко
Сейчас, как тогда:
«Ты бы пошел с ним в разведку?
Нет или да?»

Не ухнет уже бронебойный,
Не быть похоронной под дверь,
И кажется – все так спокойно,
Негде раскрыться теперь...

Но все-таки слышим нередко
Сейчас, как тогда:
«Ты бы пошел с ним в разведку?
Нет или да?»

Покой только снится, я знаю, —
Готовься, держись и дерись! —
Есть мирная передовая —
Беда, и опасность, и риск.

Поэтому слышим нередко
Сейчас, как тогда:
«Ты бы пошел с ним в разведку?
Нет или да?»

В полях обезврежены мины,
Но мы не на поле цветов, —
Вы поиски, звезды, глубины
Не сбрасывайте со счетов.

Поэтому слышим нередко,
Если приходит беда:
«Ты бы пошел с ним в разведку?
Нет или да?»

1968

Еще не вечер

Четыре года рыскал в море наш корсар, —
В боях и штормах не поблекло наше знамя,
Мы научились штопать паруса
И затыкать пробоины телами.

За нами гонится эскадра по пятам, —
На море штиль – и не избежать встречи!
Но нам сказал спокойно капитан:
«Еще не вечер, еще не вечер!»

Вот развернулся боком флагманский фрегат, —
И левый борт окрасился дымами, —
Ответный залп – на глаз и наугад —
Вдали пожар и смерть! Удача с нами!

Из худших выбирались передраг,
Но с ветром худо, и в трюме течи, —
А капитан нам шлет привычный знак:
Еще не вечер, еще не вечер!

На нас глядят в бинокли, в трубы сотни глаз —
И видят нас от дыма злых и серых, —
Но никогда им не увидеть нас
Прикованными к веслам на галерах!

Неравный бой – корабль кренится наш, —
Спасите наши души человечьи!
Но крикнул капитан: «На abordаж!»
Еще не вечер, еще не вечер!»

Кто хочет жить, кто весел, кто не тля, —
Готовьте ваши руки к рукопашной!
А крысы – пусть уходят с корабля, —
Они мешают схватке бесшабашной.

И крысы думали: а чем не шутит черт, —
И тупо прыгали, спасаясь от картечи.
А мы с фрегатом становились к борту борт, —
Еще не вечер, еще не вечер!

Лицо в лицо, ножи в ножи, глаза в глаза, —
Чтоб не достаться спрутам или крабам —
Кто с кольцом, кто с кинжалом, кто в слезах, —
Мы покидали тонущий корабль.

Но нет, им не послать его на дно —
Поможет океан, взвалив на плечи, —
Ведь океан-то с нами заодно.
И прав был капитан: еще не вечер!

1968

Банька по-белому

Протопи ты мне баньку, хозяйюшка, —
Раскалю я себя, распалю,
На полоке, у самого краюшка,
Я сомненья в себе истреблю.

Разомлею я до неприличности,
Ковш холодной – и всё позади, —
И наколка времен культа личности
Засинеет на левой груди.

Протопи ты мне баньку по-белому, —
Я от белого свету отвык, —
Угорю я – и мне, угорелому,
Пар горячий развяжет язык.

Сколько веры и лесу повалено,
Сколь изведено горя и трасс!
А на левой груди – профиль Сталина,
А на правой – Маринка анфас.

Эх, за веру мою беззаветную
Сколько лет отдыхал я в раю!
Променял я на жизнь беспросветную
Несусветную глупость мою.

Протопи ты мне баньку по-белому, —
Я от белого свету отвык, —
Угорю я – и мне, угорелому,
Пар горячий развяжет язык.

Вспоминаю, как утречком раненько
Брату крикнуть успел: «Пособи!» —
И меня два красивых охранника
Повезли из Сибири в Сибирь.

А потом на карьере ли, в топи ли,
Наглотавшись слезы и сырца,
Ближе к сердцу кололи мы профили,
Чтоб он слышал, как рвутся сердца.

Не топи ты мне баньку по-белому, —
Я от белого свету отвык, —
Угорю я – и мне, угорелому,
Пар горячий развяжет язык.

Ох, знобит от рассказа дотошного!
Пар мне мысли прогнал от ума.
Из тумана холодного прошлого
Окунаюсь в горячий туман.

Застучали мне мысли под темечком:
Получилось – я зря им клеймен, —
И хлещу я березовым веничком
По наследию мрачных времен.

Протопи ты мне баньку по-белому, —
Чтоб я к белому свету привык, —
Угорю я – и мне, угорелому,
Ковш холодной развяжет язык.
Протопи!..
Не топи!..
Протопи!..

1968

Песенка про метателя молота

Я раззудил плечо – трибуны замерли,
Молчанье в ожидании храня.
Эх, что мне мой соперник – Джонс ли, Крамер ли, —
Рекорд уже в кармане у меня!

Заметано, заказано, заколото, —
Мне кажется – я следом полечу.
Но мне нельзя, ведь я – метатель молота:
Приказано метать – и я мечу.

Эх, жаль, что я мечу его в Италии:
Я б дома кинул молот без труда, —
Ужасно далеко, куда подальше,
И лучше – если б враз и навсегда.

Я против восхищения повального,
Но я надеюсь: года не пройдет —
Я все же зашвырну в такую даль его,
Что и судья с ищейкой не найдет...

Сейчас кругом корреспонденты бесятся.
«Мне помогли, – им отвечаю я, —
Подняться по крутой спортивной лестнице
Мой коллектив, мой тренер и – семья».

1968

«То ли – в избу и запеть...»

Марине

То ли – в избу и запеть,
Просто так, с морозу,
То ли взять да помереть
От туберкулезу,

То ли выстонать без слов,
А может – под гитару?..
Лучше – в сани рысаков
И уехать к «Яру»!

Вот напасть! – то не власть,
То не в масть карту класть, —
То ли счастье украсть,
То ли просто упасть
В грязь...

Навсегда в никуда —
Вечное стремление.
То ли – с неба вода,
То ль – разлив весенний...

Может, эта песня – без конца,
А может – без идеи...
А я строю печку в изразцах
Или просто сею.

Сколько лет счастья нет,
Впереди – все красный свет...
Недопетый куплет,
Недодаренный букет...
Бред!

На́зло всем – насовсем
Со звездою в лапах,
Без реклам, без эмблем,
В пимах косолапых...

Не догнал бы кто-нибудь,
Не почуял запах, —
Отдохнуть бы, продыхнуть
Со звездою в лапах!

Без нее, вне ее —

Ничего не мое,
Невеселое житье, —
И былье — и то ее...
Ё-мое!

1968

«Мне каждый вечер зажигают свечи...»

Мне каждый вечер зажигают свечи,
И образ твой окуривает дым, —
И не хочу я знать, что время лечит,
Что все проходит вместе с ним.

Я больше не избавлюсь от покоя:
Ведь все, что было на душе на год вперед,
Не ведая, она взяла с собою —
Сначала в порт, а после — в самолет.

Мне каждый вечер зажигают свечи,
И образ твой окуривает дым, —
И не хочу я знать, что время лечит,
Что все проходит вместе с ним.

В душе моей — пустынная пустыня, —
Ну что стоите над пустой моей душой!
Обрывки песен там и паутина, —
А остальное все она взяла с собой.

Теперь мне вечер зажигает свечи,
И образ твой окуривает дым, —
И не хочу я знать, что время лечит,
Что все проходит вместе с ним.

В душе моей — всё цели без дороги, —
Поройтесь в ней — и вы найдете лишь
Две полуфразы, полудиалоги, —
А остальное — Франция, Париж...

И пусть мне вечер зажигает свечи,
И образ твой окуривает дым, —
Но не хочу я знать, что время лечит,
Что все проходит вместе с ним.

1968

Поездка в город

Я – самый непьющий из всех мужуков:
Во мне есть моральная сила, —
И наша семья большинством голосов,
Снабдив меня списком на восемь листов,
В столицу меня снарядила.

Чтобы я привез снохе с ейным мужем по дохе,
Чтобы брату с бабой – кофе растворимый,
Двум невесткам – по ковру, зятю – черную икру,
Тестю – что-нибудь армянского разлива.

Я ранен, контужен – я малость боюсь
Забыть, что кому по порядку, —
Я список вещей заучил наизусть,
А деньги зашил за подкладку.

Значит, брату – две дохи, сестрин муж – ему духи,
Тесть сказал: «Давай бери что попадется!»
Двум невесткам – по ковру, зятю – заячью икру,
Куму – водки литра два, – пушай зальется!

Я тыкался в спины, блуждал по ногам,
Шел грудью к плащам и рубашам.
Чтоб список вещей не достался врагам,
Его проглотил я без страха.

Помню: шубу просит брат, куму с бабой – все подряд,
Тестю – водки ереванского разлива,
Двум невесткам – по ковру, зятю – заячью нору,
А сестре – плевать чего, но чтоб – красиво!

Да что ж мне – пустым возвращаться назад?!
Но вот я набрел на товары.
«Какая валюта у вас?» – говорят.
«Не бойсь, – говорю, – не доллары!»

Растворимой мне махры, зять – подохнет без икры,
Тестю, мол, даешь духи для опохмелки!
Двум невесткам – все равно, мужу сестрину – вино,
Ну а мне – вот это желтое в тарелке!

Не помню про фунты, про стервинги слов,
Сраженный ужасной загадкой:
Зачем я тогда проливал свою кровь,
Зачем ел тот список на восемь листов,

Зачем мне рубли за подкладкой?!

Где же все же взять доху, зятю – кофе на меху?

Тестю – хрен, а кум и пивом обойдется.

Где мне взять коньяк в пуху, растворимую сноху?

Ну а брат и с самогоном перебьется!

1969

Ноль семь

Для меня эта ночь – вне закона.
Я пишу – по ночам больше тем.
Я хватаюсь за диск телефона,
Набираю вечное ноль семь.

«Девушка, здравствуйте! Как вас звать?» – «Тома».
«Семьдесят вторая! Жду дыхание затая...
Быть не может, повторите, я уверен – дома!..
Вот уже ответили.
Ну здравствуй, это я!»

Эта ночь для меня вне закона,
Я не сплю – я кричу: «Поскорей!..
Почему мне в кредит, по талону
Предлагают любимых людей!

«Девушка, слушайте! Семьдесят вторая!
Не могу дождаться, и часы мои стоят...
К дьяволу все линии – я завтра улетаю!..
Вот уже ответили.
Ну здравствуй, это я!»

Телефон для меня – как икона,
Телефонная книга – триптих,
Стала телефонистка мадонной,
Расстояние на миг сократив.

«Девушка, милая! Я прошу – продлите!
Вы теперь, как ангел – не сходите ж с алтаря!
Самое главное – впереди, поймите...
Вот уже ответили.
Ну здравствуй, это я!»

Что, опять повреждение на трассе?
Что, реле там с ячейкой шалят?
Мне плевать – буду ждать, – я согласен
Начинать каждый вечер с нуля!

«Ноль семь, здравствуйте! Снова я». – «Да что вам?»
«Нет, уже не нужно, – нужен город Магадан.
Не даю вам слова, что звонить не буду снова, —
Просто друг один – узнать, как он, бедняга, там...»

Эта ночь для меня вне закона,
Ночи все у меня не для сна, —

А усну – мне приснится мадонна,
На кого-то похожа она.

«Девушка, милая! Снова я. Тома!
Не могу дождаться – жду дыхание затая...
Да, меня!.. Конечно я!.. Да, я! Конечно дома!»
«Вызываю... Отвечайте...» – «Здравствуй, это я!»

1969

Песенка о переселении душ

Кто верит в Магомета, кто – в Аллаха, кто – в Исуса,
Кто ни во что не верит – даже в черта, назло всем, —
Хорошую религию придумали индусы:
Что мы, отдав концы, не умираем насовсем.

Стремилась ввысь душа твоя —
Родишься вновь с мечтою,
Но если жил ты как свинья —
Останешься свиньею.

Пусть косо смотрят на тебя – привыкни к укоризне, —
Досадно – что ж, родишься вновь на колкости горазд.
А если видел смерть врага еще при этой жизни —
В другой тебе дарован будет верный зоркий глаз.

Живи себе нормальненько —
Есть повод веселиться:
Ведь, может быть, в начальника
Душа твоя вселится.

Пускай живешь ты дворником – родишься вновь
прорабом,
А после из прораба до министра дорастешь, —
Но если туп как дерево – родишься баобабом
И будешь баобабом тыщу лет, пока помрешь.

Досадно попугаем жить,
Гадюкой с длинным веком, —
Не лучше ли при жизни быть
Приличным человеком?!

Так кто есть кто, так кто был кем? – мы никогда не знаем.
Кто был никем, тот станет всем, – задумайся о том!
Быть может, тот облезлый кот – был раньше негодяем,
А этот милый человек – был раньше добрым псом.

Я не люблю

Я не люблю фатального исхода,
От жизни никогда не устаю.
Я не люблю любое время года,
Когда веселых песен не пою.

Я не люблю холодного цинизма,
В восторженность не верю, и еще —
Когда чужой мои читает письма,
Заглядывая мне через плечо.

Я не люблю, когда — наполовину
Или когда прервали разговор.
Я не люблю, когда стреляют в спину,
Я также против выстрелов в упор.

Я ненавижу сплетни в виде версий,
Червей сомненья, почестей иглу,
Или — когда все время против шерсти,
Или — когда железом по стеклу.

Я не люблю уверенности сытой, —
Уж лучше пусть откажут тормоза.
Досадно мне, что слово «честь» забыто
И что в чести наветы за глаза.

Когда я вижу сломанные крылья —
Нет жалости во мне, и неспроста:
Я не люблю насилие и бессилье, —
Вот только жаль распятого Христа.

Я не люблю себя, когда я трушу,
Досадно мне, когда невинных бьют.
Я не люблю, когда мне лезут в душу,
Тем более — когда в нее плюют.

Я не люблю манежи и арены:
На них мильон меняют по рублю.
Пусть впереди большие перемены —
Я это никогда не полюблю!

1969

«Ну вот, исчезла дрожь в руках...»

Ну вот, исчезла дрожь в руках,
Теперь – наверх!
Ну вот, сорвался в пропасть страх
Навек, навек, —
Для остановки нет причин —
Иду, скользя...
И в мире нет таких вершин,
Что взять нельзя!

Среди нехоженных путей
Один – пусть мой!
Среди невзятых рубежей
Один – за мной!
А имена тех, кто здесь лег,
Снега таят...
Среди непройденных дорог
Одна – моя!

Здесь голубым сияньем льдов
Весь склон облит,
И тайну чьих-нибудь следов
Гранит хранит...
И я гляжу в свою мечту
Поверх голов
И свято верю в чистоту
Снегов и слов!

И пусть пройдет немалый срок —
Мне не забыть,
Что здесь сомнения я смог
В себе убить.
В тот день шептала мне вода:
Удач – всегда!..
А день... какой был день тогда?
Ах да – среда!..

1969

К вершине

Памяти Михаила Хергиани

Ты идешь по кромке ледника,
Взгляд не отрывая от вершины.
Горы спят, вдыхая облака,
Выдыхая снежные лавины.

Но они с тебя не сводят глаз —
Будто бы тебе покой обещан,
Предостерегая всякий раз
Камнепадом и оскалом трещин.

Горы знают – к ним пришла беда, —
Дымом затянуло перевалы.
Ты не отличал еще тогда
От разрывов горные обвалы.

Если ты о помощи просил —
Громким эхом отзывались скалы,
Ветер по ущельям разносил
Эхо гор, как радиосигналы.

И когда шел бой за перевал, —
Чтобы не был ты врагом замечен,
Каждый камень грудью прикрывал,
Скалы сами подставляли плечи.

Ложь, что умный в горы не пойдет!
Ты пошел – ты не поверил слухам, —
И мягчал гранит, и таял лед,
И туман у ног стелился пухом...

Если в вечный снег навеки ты
Ляжешь – над тобою, как над близким,
Наклонятся горные хребты
Самым прочным в мире обелиском.

1969

Песенка о слухах

Сколько слухов наши уши поражает,
Сколько сплетен разъедает, словно моль!
Ходят слухи, будто все подорожает – абсолютно, —
А особенно – штаны и алкоголь!

Словно мухи, тут и там
Ходят слухи по домам,
А беззубые старухи
Их разносят по умам!

– Слушай, слышал? Под землю город строят, —
Говорят – на случай ядерной войны!
– Вы слышали? Скоро бани все закроют – повсеместно
Навсегда, – и эти сведенья верны!

Словно мухи, тут и там
Ходят слухи по домам,
А беззубые старухи
Их разносят по умам!

– А вы знаете? Мамыкина снимают —
За разврат его, за пьянство, за дебош!
– Кстати, вашего соседа забирают, негодяя, —
Потому что он на Берию похож!

Словно мухи, тут и там
Ходят слухи по домам,
А беззубые старухи
Их разносят по умам!

– Ой, что дееется! Вчерась траншею рыли —
Откопали две коньячные струи!
– Говорят, шпионы воду отравили самогоном,
Ну а хлеб теперь – из рыбной чешуи!

Словно мухи, тут и там
Ходят слухи по домам,
А беззубые старухи
Их разносят по умам!

Закаленные во многих заварухах,
Слухи ширятся, не ведая преград, —
Ходят сплетни, что не будет больше слухов абсолютно,
Ходят слухи, будто сплетни запретят!

Словно мухи, тут и там
Ходят слухи по домам,
А беззубые старухи
Их разносят по умам!

1969

«Подумаешь – с женой не очень ладно...»

Подумаешь – с женой не очень ладно,
Подумаешь – неважно с головой,
Подумаешь – ограбили в парадном, —
Скажи еще спасибо, что – живой!

Ну что ж такого – мучает саркома,
Ну что ж такого – начался запой,
Ну что ж такого – выгнали из дома,
Скажи еще спасибо, что – живой!

Плевать – партнер по покеру дал дуба,
Плевать, что снится ночью домовой,
Плевать – в «Софии» выбили два зуба,
Скажи еще спасибо, что – живой!

Да ладно – ну уснул вчера в опилках,
Да ладно – в челюсть врезали ногой,
Да ладно – потащили на носилках, —
Скажи еще спасибо, что – живой!

Да, правда – тот, кто хочет, тот и может,
Да, правда – сам виновен, Бог со мной,
Да, правда, – но одно меня тревожит:
Кому сказать спасибо, что – живой!

1969

Старательская (*Письмо друга*)

Друг в порядке — он, словом, при деле, —
Завязал он с газетой тесьмой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.